

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАГИСТРА

БОРИС АКУНИН

Ф.М.

Приключения магистра

Борис Акунин

Ф. М.

«Abecca Global Inc»

2006

Акунин Б.

Ф. М. / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
2006 — (Приключения магистра)

Историк Николас Фандорин ищет пропавшую рукопись неизвестной повести Достоевского. Оказывается, одна из первых редакций «Преступления и наказания» представляла собой настоящий классический детектив с теми же персонажами, но несколько иным развитием сюжета...

Содержание

1. Форс-мажор	6
2. Фигли-мигли	13
Теорійка	22
Глава первая	22
Глава вторая	26
Глава третья	32
Глава четвертая	39
3. Фата-Моргана	46
4. Фантастический мир	61
5. Физиология мозга	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82
Комментарии	

Борис Акунин

Ф. М.

Автор благодарит за помощь:

В. Бирон (*Музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге*)

М. Гарбера (*за спецконсультацию*)

Б. Гребенщикова (*за песню «Когда Достоевский был ранен»*)

М. Живову (*за яти и ижицы*)

Л. Черницына (*Экспертно-криминалистический центр МВД*)

1. Форс-мажор

Главное, не хотел он его мочить. Реально не хотел. Думал, подскочит сзади, когда Ботаник в тачку полезет (в тачку он, в смысле Ботаник, влезал по-уродски, башкой вперед, с отключенным задом), и тогда он, в смысле Рулет, подлетит, рванет у него, в смысле у Ботаника, папку – и ноги. А тот вцепился насмерть. Ну и что было делать?

Короче, тухляк вышел, полный.^[1]

Стоп. Неправильно начал.

Дубль два.

Поехали.

Какого-то июля (конкретные числа Рулет в последнее время догонял смутно) выполз он из своей съемной хаты в Саввинском переулке совсем мертвый. Весь в тряске, рожа синяя – краше в закрытом гробу хоронят. Время было за послеобеда, ну в смысле не *после обеда*, потому что обедать Рулет давно не обедал, кусок в горло не лез, а в смысле что солнце уже за середину неба перевалило.

Выполз, значит, и пошел себе в сторону Краснолужского моста, хреново соображая, куда это он тащит лапы и зачем. Короче, завис, это с ним в абстакге часто случалось.

Песня еще из окна орала: «Тополиный пух, жара, июль». И точно – жарко было, реально жарко. Но Рулет пока жары не чувствовал, у него с отходняка, наоборот, зуб на зуб не попадал. Шел, от яркого болели глаза, жмурился. Чисто Дракула, которого не по делу разбудили.

Было ему паршиво. Совсем труба.

Еле дошаркал до соседней улицы, как ее, блин. Забыл. Он в последнее время всё больше вещей забывал. То есть, если постараться, наверно вспомнил бы. Но на фиг?

И тут его вдруг пробило – чего он из дома-то вылез.

У Ботаника закрыли фортку. Значит, сейчас во двор выйдет. Ботаник всегда перед уходом фортку закрывал. На кой – непонятно. Душно же.

Повернул Рулет назад. Пристроился в подворотне, где темно и не так жарит. Еще минуту назад его колотун бил, а тут припарило ого-го как, конкретно, и пот полился ручьями, типа летят скворцы во все концы, и тает снег, и сердце тает. Кино какое-то такое было. Давно, в детстве.

Совсем Рулет глухой стал. Не в смысле, что слышал плохо, а в смысле, что вконец доходил. Дороги у него теперь отстроились по всем жилам – что на руках, что на ногах. Прямо шоссейные, ширнуться некуда, одни узлы. Центровую трассу, которая у локтя, он раньше называл: «автобан Вена-Глюкенбург», типа в шутку. Теперь по ней не проедешь, тромб на тромбе. И насчет шутить тоже – позабыл, как это делается.

За комнату второй месяц не плачено – это ладно. Не жрал ничего который день – тоже плевать. Хуже всего, что иглиться ему теперь надо было, хоть сдохни, каждые три часа. И не меньше, чем по два децила, иначе не пробивало. А где столько бабок взять? Мать раз в месяц присылает по полторы штуки, как раз на полторы дозы хватает. Больше, пишет, никак не могу, ты уж крутись как-нибудь, вам ведь стипендию платят. Какую, блин, стипендию? Рулет забыл, как и институт-то назывался. Год почти оттрубил, на лекции ходил, даже сессию одну сдал, а в памяти только одно слово застряло: форс-мажор. Это когда никто никого не кидал, не подставлял, а само так вышло. Ну, типа карма.

Вот и у Рулета получился кругом сплошной форс-мажор.

Хорошо, когда-то боксом занимался, без этого, наверно, сдох бы.

По вечерам, когда внутри начинало всё винтом заворачивать, Рулет отправлялся на заработок. Подходил в темном месте к загулявшему мужику видом попримечнее, или, если повезет, к дамочке. Бил хуком в висок, брал бумажник или сумочку. Убегал. Много не взял ни разу, максимум пять тысяч, и то однажды.

Сначала старался подальше от дома отойти, потом забил на это. Позавчера, например, прямо в Саввинском, перед магазином, налетел сзади на мужика, который из «фолькса» вылезал, врезал в переносицу и барсетку увел. А там, в барсетке, права, паспорт, техталон да столик для гаишника. И привет. Еле-еле у барыги за всё про всё – и барсетку, и документы – две дозы выпросил.

Вчера Рулету вообще ничего не обломилось. Отутюжил по улицам вхолостую. И сегодня сделался ему совсем край. Иначе нипочем среди бела дня, да еще в собственном дворе не стал бы заморачиваться. Не дурак же.

Ботаника этого плюгавого он уже несколько дней как присмотрел. Тот жил на третьем этаже, в доме напротив. Выходил из подъезда в разное время, не работал нигде, что ли. Форточку всегда перед выходом закрывал.

Мужичонка так себе – облезлый, с внутренним займом на лысине, но прикинутый: блейзер, платочек шелковый в нагрудном кармане, белые брюки. Выйдет, сядет в «мерс» и катит через подворотню на улицу. Во всем дворе у него одного «мерс» был.

Рулет еще всё жалел, что Ботаник по ночам не ездит. Такого обсоска с ног свалить – как нечего делать. Он и не увидит ничего, потому что по-уродски в тачку влазит. Папку у него цапнуть, пока не очухался, и в подворотню. У Ботаника папки были классные – кожаные, каждый день разного цвета. Это есть такие козлы, по большей части пидоры, которые бумажник в карман не кладут, чтоб брюки не оттягивать, а только в портфельчик или папочку. Ботаник, когда свою папку нес, неважно какого цвета, всегда к груди прижимал, бережно так. Значит, было из-за чего.

Стало быть, несколько дней Рулет за Ботаником сёк, на папки эти разноцветные облизывался, а сегодня решился. Приперло.

Пока парился в подворотне, а Ботаник, скотина, всё не шел, стало Рулету неважно, и докатился он до самого что ни на есть последнего финиша, до чего никогда еще не опускался – ляпнулся всухую. Снял с машинки колпачок («гараж» называется) и ширнулся в сгиб локтя просто так, ничем. От привычной маленькой боли на секунду полегчало, но потом стало еще хуже. Обманутую вену пронзило будто током, Рулет аж скрючился. И подумал вдруг: а не загнать ли в арык полную стекляшку воздуха? Говорят, от этого сердце на куски лопається. И привет, больше никаких заморочек.

Подумал – и испугался. До того испугался, что швырнул баян об стену. Сразу же обругал себя: куда ширяле без собственного аппарата? Нагнулся, подобрал, но машинке реально настали кранты. Жало погнулось и стекло треснуло. Короче, всё один к одному.

Баян, он же агрегат, он же машинка

Но долго переживать из-за сломанного шприца Рулету не пришлось. Из подъезда как раз выкатился Ботаник и затопал к своему «мерсу». Папка у него сегодня была черная, и прижимал он ее к себе, чисто как мамаша младенца.

Момент был супер, во дворе ни души. Ну, Рулет и рванул.

Подскочил сзади, когда тот уже башкой в дверцу сунулся. Одной рукой за ворот его, другой рванул папку из-под мышки. Еще шикнул для страху: «Тихо, ****, убью!»

А тот как взвизгнет, обеими руками в папку вцепился, и ни в какую.

Рулет, между прочим, сам на нерве был, среди бела дня же, каждую секунду дверь подъезда открыться может или из подворотни кто вылезет. Не говоря уж про окна.

Короче, схватил Ботаника обеими руками за шею и давай колотить башкой об дверцу. Так Рулета от ярости и страха зауродило – ничего не видит, не слышит, только фиолетовые круги перед глазами.

Очухался, когда мужик уже на сиденье сполз, кровь у него из ушей, и голова обвисла. Папку подобрал, попятился.

Как через подворотню в переулок выскочил, не запомнил.

За-мо-чил, за-мо-чил, стучало в висках у Рулета. Всё, теперь всё. Сгорел, как в танке! В углу заплачет мать старушка, слезу рукой смахнет отец. То есть отца у него не было, но это в песне так поется, про танкистов, которые в танке сгорели.

С отходняка на Рулета и без того всегда жуткая шугань накатывала – это когда всего пугаешься, от каждого шороха закидываешься, ночью воешь от страха. А тут реально человека замочил. Хотел – не хотел, кого это колышет. И наверняка бабка какая-нибудь поганая из окна видела, им же делать не хрена, только с утра до вечера во двор пялиться. Видела, узнала Рулета, уже в ментуру названивает.

А в ментуру Рулету было никак нельзя. Сдохнет он за решеткой без «хлеба». В кошмарных мучениях.

Спокойно, спокойно, повторял Рулет, шаркая ногами по тополиному пуху. Но успокоиться можно было только одним способом.

В первом же незапертом подъезде он осмотрел добычу.

И чуть не заплакал.

Ни банана в черной папке не оказалось. Ни денег, ни кредитной карточки, ни даже водительских прав. Только стопка старых бумажек. Чего Ботаник, козлина, так за эту макулатуру цеплялся, непонятно. Только себе хуже сделал и Рулета конкретно закопал.

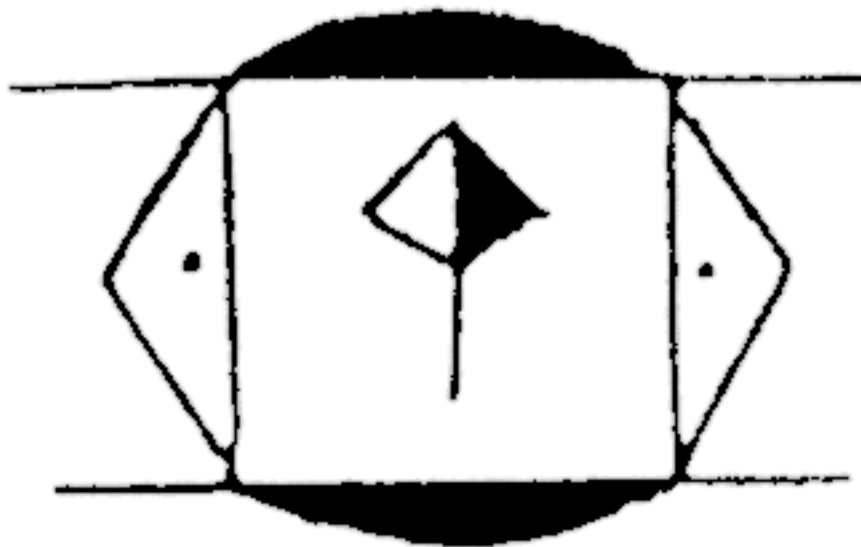
На всякий случай Рулет перетряс листы получше, но ничего между ними не обнаружил. Пожелтевшие страницы, на них какие-то каракули бледными коричневыми чернилами, да еще чиркано-перечиркано всё.

Один навар – папка богатая. Натуральная кожа, под крокодила. А может, и чистый крокодил.

И двинул Рулет на Плешак, где герои Плевны собираются. В смысле героинчики. Там и днем, если повезет, можно найти барыгу, кто не за бабки, а по бартеру пушерит.

Памятник героям Плевны

Татуировка пушера

И сжалилась карма над бедным Рулетом, реально повезло. То есть сначала минут двадцать он всухую протоптался. Народу в сквере было полно, но всё не то, мимо кассы: кто так на травке валялся, кто партнера искал (там, на Плешке, еще и пидоры тусуются). Но потом на скамеечке углядел Рулет знакомого кровососа Кису. Киса, во-первых, фуфла никогда не втюхает. Во-вторых, всегда затаренный, герыч прямо при себе носит (тащиться за товаром на «бухту» у Рулета сейчас бы сил не хватило). А главное, не одним баблом берет. У Кисы на указательном пальце татуха, для новых клиентов: перстень с наполовину зачерненным ромбом. Это значит «пушерю на обмен». Короче, то, что надо.

Отошли за кустик. Киса папку пощупал. Понравилась.

Сговорились за две дозы плюс машинку впридачу – свою-то Рулет грохнул.

Глядя, как Рулета всего колотит, Киса посочувствовал:

– Что, веревки горят? Ничё, сейчас задвинешь стеклышко – отпустит. Сам-то попадешь или помочь?

– Фигня, – ответил Рулет, которому от одного прикосновения к ампуляку уже полегчало. – Ох, не хочет кровь струиться, не пора ли нам взбодриться!

Хотел уйти, но Киса окликнул, показал на брошенные листки.

– Ты не мусори. Здесь, между прочим, люди ширяются. Отнеси до урны, выкини.

Рулет взял бумажки под мышку, дошел до оградки. Место хорошее: тут кусты, там машины несутся.

И листкам применение нашлось. Подложил их на каменный парапет, чтоб задницу не студить. Одна страничка, верхняя, упала – так он подобрал, культурно. Снизу подсунул.

Сел с кайфом. Зарядил агрегат. С дыркой пришлось малость повозиться, но в конце концов попал. Пустил в стекляшку крови на контроль, как положено. Потом вмазал. Ровно две трети, остальное на догон оставил.

Ему стало хорошо, уже когда шило домой попало, то есть в вену вошло. А как вдарил приход и по всей системе, по каждой клеточке шандарахнуло волшебным током, наступило счастье. Весна на душе. Кстати, кино то старое, из детства, «Весна» называлось, он вспомнил. И запел: «И даже пень в апрельский день березкой снова стать мечтает».

Да хрен его кто поймает. Даже искать не станут. Во-первых, потому что в этом мире всем на всё с прибором, а во-вторых, потому что лохи они все против Рулета. И бабки никакой у окна не было, а то высунулась бы и заорала. Тип-топ всё, можно не париться.

Он встал, сладко потянулся.

Взял из стопки страничку, посмотреть. Очень она Рулету понравилась. Гладкая такая на ощупь, кайфово желтоватая и строчки ровные-преровные. А между прочим, без линеек. Разобрать почерк трудно, но на фига его разбирать? Только зря грузиться.

Всё ему сейчас ужасно нравилось: и солнце в небе, и зелень, и разноцветные машины на улице. Хорошая штука жизнь, если, конечно, жить правильно. И мозгами работать.

А мозги у Рулета запустились на полный оборот. И стукнула ему в башку идея, гениальная.

Не надо бумажки эти в урну бросать. Они старые. Им, может, сто лет. Хендрикс (это знакомый один, на барбитуре сидит), недавно рассказывал, что на Солянке есть мужик, который старые бумажки берет. Офис у него там, со двора вход. Как контора называется, Рулет позабыл, но Хендрикс говорил, найти легко, там табличка висит. Он на чердаке целый сундук с макулатурой нашел, так мужик этот много чего отобрал. И отбашлял сразу, на месте.

Может, придурок этот солянский возьмет листки? Глядишь, еще на одну дозу хватит. Надо ведь и про будущее подумать.

Главная гениальность идеи, осенившей Рулета, состояла в том, что Солянка была вот она, прямо за углом. Пять минут ходу, даже меньше.

Сложил он бумажки поаккуратней и пошел. Почти что полетел.

Кто другой, потупее, запутался бы во внутренних дворах и подворотнях огромного серого дома, выходящего разом на три улицы, а Рулет почти сразу нашел нужную арку, потому что башка варит и вообще всё в масть.

Хендрикс говорил, там еще рядом въезд в подземный гараж или, может, склад. Здоровенный такой, с решетчатыми воротами. Не спутаешь.

Точно, были ворота. И подъезд неподалеку. Табличка, правда, не одна, несколько. Но Рулет как посмотрел, сразу вспомнил. «Страна советов», вот как у того мужика контора называлась. Новенький такой щиток, медный. Сияет – смотреть в кайф. Пятый этаж. Офис 13-а.

Короче, поднялся – пешком взлетел, лень было лифт ждать.

У двери еще одна табличка:

КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ ФИРМА

«СТРАНА СОВЕТОВ»

Николай Александрович Фандорин,

магистр истории

Ишь ты, «магистр».

Рулет позвонил.

Открыла охренительная телка. Прикид, как из журнала, плюс синие глаза с пушистыми ресницами, плюс припухлые, чуть приоткрытые губы. Это есть такие бабы, заводные, которые от секса, когда их здорово забирает, губы себе кусают. Сам Рулет таких баб не паялил, не доводилось, но видать видал, в кино. У них еще обычно голос хриловатый, от которого внутри всё ёкает.

Телка облизнула губы кончиком очень красного, то есть *реально* красного языка и спросила хрипловатым голосом:

– Вы по какому вопросу?

У Рулета внутри всё ёкнуло.

2. Фигли-мигли

Когда вошла секретарша, Николас Фандорин, владелец консалтинговой компании «Страна советов», стоял у окна и, страдая, прислушивался к фортепьянным аккордам, просачивавшимся сквозь шум улицы. Ничего отвратительного в музыке не было – стандартный вальс Грибоедова, исполняемый очень гладко и старательно, но Фандорина дальние звуки пианино явно мучили. Он то вздыхал, то морщился. Когда же милейшая мелодия, на миг оборвавшись, зазвучала вновь, гораздо громче и насыщенней, так что сразу почувствовалось – за дело взялся мастер, Ника совсем сник. На то имелись свои причины, однако о них чуть позже.

Итак, в кабинет вплыла Валя, улыбнулась своими раздутыми от коллагена губищами и объявила:

– Николай Александрович, к вам посетитель. О цели визита умалчивает, хочет сообщить лично.

В последнее время Валя *работала над сменой имиджа*: старалась изъясняться цивилизованно и вести себя, как леди, но давалось ей это непросто – то и дело сбивалась.

– Только, по-моему, фигли-мигли, – добавила она, что на ее жаргоне означало «пустая трата времени», и наморщила точеный носик (две операции, тридцать тысяч долларов). – Обычный ширяла. Я бы его турнула в шею, но он, похоже, вам что-то притащил. Впарить хочет. То есть, предложить на продажу, – поправилась Валя и изящным жестом потрогала прическу.

– Кто это – «ширяла»? – мрачно спросил Ника, подходя к столу.

– Наркоман. Шляется всякая шушера, а клиентов настоящих нет.

Что правда, то правда. Летом фирма «Страна советов» по большей части простаивала без работы. То есть в целом, если сравнивать с прошлым, дела шли не так уж плохо. «Сарафанное радио», самый медленный, но зато самый надежный вид рекламы, наконец заработало, и клиентура потихоньку расширялась. Настоящего дела, правда, давно не подворачивалось. Большинство тех, кто алкал совета, приходили к Николасу, или Николаю Александровичу, или Нике (это уж в зависимости от короткости отношений), просто чтоб как следует выговориться, рассказать понимающему человеку о своем сложном внутреннем мире и душевных проблемах. В Америке с подобной целью посещают сеансы психоанализа, но в России это высокорентабельное детище фрейдизма не прижилось и не приживется – во всяком случае, до тех пор, пока не избавится от обидного компонента «психо».

У Николаса такие посетители не лежали на кушетке, а сидели в обычном кресле, потому что не психи какие-нибудь, а совершенно здоровые люди, просто с тонкой нервной организацией. Болтали час или два, получали свою порцию советов и уходили в задумчивости. Работа с клиентами этого сорта нелегкая, будто из тебя всю кровь высасывают, но зато довольно денежная. Однако летом энергетические вампиры разъезжались по Биаррицам-Сардиниям латать нервы, продвигать чакры и восстанавливать прану. Мастер добрых советов маялся бездельем и томился. А тут еще это фортепьяно...

Кушетка психоаналитика

Валя наострила уши – слух у нее был отличный.

Ядовито спросила:

– По клавишам бренчат? А я вам тысячу раз говорила: не понимает МэМэ своего счастья. Такой мужчина ей достался, а она... Только мучает вас. – Секретарша вздохнула, обвела шефа лучистым взглядом – сверху вниз и опять вверх. – Эх, я бы вас на руках носила. Одевала, как куколку.

Про Валю

С тех пор, как Валя Глен окончательно определился с выбором гендера и хирургическим образом поменял пол на женский, он, то есть теперь уже «она» совсем обнаглела и вела осаду начальника в открытую. По-хорошему, давно следовало ее уволить, но кто еще станет работать за такую зарплату? Да и в настоящих делах, когда они подворачивались, другой такой помощницы было не сыскать.

Современная медицина движется вперед семимильными шагами. Особенно необязательная, существующая не для спасения жизни и здоровья, а для удовлетворения причуд и прихотей. Глядя на Никину секретаршу, никто бы не поверил, что еще пару лет назад она была молодым мужчиной и звалась Валентином. Лицо, фигура, голос, жесты – изменилось всё. Разве что размер

ноги остался прежним, но у нынешних барышень сорок второй не такая уж редкость.

Новоиспеченная Валя законным образом поменяла паспорт и незаконным – свидетельство о рождении, в остальных документах, где пол не указывают, вроде диплома или водительских прав, просто приписала после имени букву «а» и подчистила отчество. Все свои старые фотографии уничтожила. Гардероб сменила. Машину перекрасила из стального цвета в розовый.

Так в прекрасной половине человечества произошло незапланированное природой пополнение.

– У человека должен быть фридом оф чойс, и я выбрала тот гендер, который лучше, – объяснила она работодателю, выйдя на работу после своего второго рождения.

– В смысле женский? – кивнул Ника.

– Нет, мужской. Имеешь ведь дело не со своим полом, а с противоположным.

Тут Фандорин, выражаясь по-валиному, перестал догонять и затормозил.

– Погоди, разве мужской пол лучше женского?

– Бьен сюр. Мужики такие клевые! С бойфрендом можно и футбол по телеку смотреть, и на байке гонять. Не то что с бабой. И вообще, вы не представляете, какие мы, бабы, гадкие.

Еще помощница объявила, что пошла на такую жертву ради него, Ники. Чтобы он не чувствовал себя извращенцем, когда наконец поймет: они созданы друг для друга.

Это, впрочем, не помешало Вале почти сразу же после своего второго рождения выскочить замуж. Причин было две. Айнс: она всю жизнь мечтала пройтись по Александровскому саду в белой фате. Цвай: Мамона (так Валя называла свою мать-банкиршу) сняла бывшего сына с дотации – мол, дочерей у нее нет и не будет. А жить на что-то надо. Не на Никину же гребаную зарплату?

Так что брак был коммерческий, по расчету. Во всяком случае, со стороны невесты. Жених-то, владелец империи платных туалетов Макс Зюзин, втрескался в чудо пластической хирургии не на шутку. Свадьбу сыграли не хуже людей – пышную, во дворце екатерининских времен. Фоторепортажи с гламурного праздника появились во всех глянцевах журналах, причем Валу именовали «русалкой», «царевной Лебедь» и «загадочной незнакомкой».

Семейная жизнь, правда, не сложилась.

Когда выяснилось, по какой причине у молодой не может быть детей, с суженым приключилась истерика. Он даже хотел убить Валу на месте, голыми руками, но убить Валу голыми руками довольно трудно, во всяком случае без помощи телохранителей, а звать телохранителей Макс не решился – побоялся огласки. В результате, кроме морального ущерба, понес еще и физический, в виде синяков и выбитого зуба.

Развелись, впрочем, цивилизованно, без азиатчины. Туалетный император был человек хоть и эмоциональный, но не дурак. Еще одна волна публикаций в прессе ему была ни к чему.

От недолгого замужества у Вали остались приличные алименты и мужнина фамилия – надоело раз за разом документы переделывать.

В общей сложности Фандорин прожил без секретарши неполный месяц, а потом всё вернулось на круги своя.

– Отстань, – буркнул Ника. – И не смей называть мою Алтын «МэМэ», сколько раз повторять.

Эта дурацкая аббревиатура означала «мадам Мамаева».

– Да? – обиделась Валя. – А ей меня можно «трансформером» обзывать? Сама, между прочим, при живом муже вон как хвостом крутит.

– Всё, баста! – Фандорин стукнул по столу. – Зови посетителя!

Пока Вали не было, он быстро подошел к окну, прислушался.

Тихо. Вальс больше не звучал.

От этого на душе у магистра истории сделалось еще паршивей. Чем это они там занимаются?

– Здрасьте, – послышался развязный молодой голос.

Ника оглянулся.

К нему, протягивая ладонь, шел высокий парень со стопкой бумаг под мышкой. Он показался Фандорину симпатичным: высокий, стройный, с красивыми темными глазами. Одет, правда, странно – несмотря на жару, в тяжелых ботинках и рубашке с длинными рукавами. Зато улыбка хорошая. Сразу видно, что у человека чудесное настроение. Совсем не похож на наркомана.

Ника посмотрел на оставшуюся в дверях секретаршу с укоризной.

– Я слышал, вы бумажки старые покупаете, – сказал посетитель, не представившись. – Глянете?

Предложив молодому человеку сесть, Ника взял стопку и первым делом понюхал ее, была у него такая привычка.

Листки пахли как надо – настоящей стариной, навсегда ушедшим временем. От этого аромата, вкуснее которого нет ничего на свете, у магистра всегда кружилась голова. Он громко чихнул, извинился, чихнул еще раз.

Однако, перелистнув страницы, увидел, что рукопись не особенно старая. Судя по фактуре бумаги, цвету чернил и нажиму, вторая половина 19 века. Перо уже стальное, но по тому, как поставлен почерк, видно, что писавший обучался грамоте еще в николаевские времена, гусиным пером и почти наверняка в казенном учреждении. При домашнем воспитании почерк был бы мягче и небрежнее, а тут почти каллиграфия. Опять же исключительная ровность строк. Но не писарь и не переписчик – вон сколько помарок и исправлений. Э, да тут и рисунки на полях. Готическое окно, рожицы какие-то. Нарисовано так себе, по-дилетантски.

Заметив крупное «ГЛАВА I», Фандорин немножко расстроился: кажется, какой-то трактат или художественное сочинение. Полистал.

Почерк, хоть и красивый, читался не так просто. Прищурившись, Ника разобрал первую попавшуюся на глаза строчку: «...святителя Порфирія, памятнаго темъ, что избавилъ первохристіанъ Святой Земли от притесненія язычниковъ». Похоже, что-то душеспасительное. В те времена многие баловались подобной писаниной. Провалилась эта графомания в каком-нибудь забытом сундуке полтора столетия, да еще во что-нибудь заботливо завернутая, иначе запах времени так не сохранился бы...

– Обороты чистые – это замечательно, – сказал он вслух. – У меня есть знакомый художник, рисует пером на старинной бумаге. Если текст не представляет интереса, подарю ему.

– Мне-то сколько отбашляете? – шмыгнул носом симпатичный юноша и через рубашку почесал сгиб локтя.

– Сохранность бумаги приличная. Могу дать по 30 рублей за страницу. Сколько здесь?

На вид в стопке было страниц двадцать – двадцать пять.

– Меньше, чем за тыщу, не отдам, – твердо заявил посетитель.

Валя хмыкнула:

– Ну ясное дело. – И прибавила непонятное. – Герою на один подвиг.

Однако парень загадочную фразу, кажется, понял. Обернулся и бросил:

– Не твое дело, цыпа.

Ника, пересчитывавший страницы, открыл было рот, чтобы поставить молодого нахала на место, да так с открытым ртом и остался.

Последний лист был почти чистым, никакого текста – лишь крупно выписанное заглавие:

ТЕОРИЙКА

Петербургская повесть

Сочинение Θ. Достоевского

Почему заглавие оказалось сзади? – вот первое, что подумалось Нике. И тут же кинуло в жар, затряслись руки.

Не может быть! Неужели рукопись Достоевского? То-то рисунки показались смутно знакомыми! Судя по пометкам, это не список, а черновик. Что же тогда получается? Это рука классика?!

Но черновик чего? «Теорийка»? Такого сочинения у Достоевского Ника что-то не припоминал. Хотя, конечно, он не специалист. Может быть, какой-нибудь набросок, не осуществленный замысел?

Дома в шкафу стоит академический 30-томник, полное собрание сочинений. Там эта «Теорийка» наверняка есть. Надо найти, принести сюда и сверить текст.

– Вы вот что, – севшим голосом сказал Фандорин. – Вы подождите тут. Кажется, это... Нет, я должен проверить. Скоро вернусь. Вы только не уходите.

Кажется, юноше его реакция показалась подозрительной. Посетитель быстро взял со стола рукопись и прижал к груди.

– Спокуха, – сказал он, сдвинув брови. – Я передумал. За тыщу не отдам. Рулета еще никто не кидал.

– Кого?

– Это я – Рулет, – назвалса молодой человек – очевидно, фамилией или прозвищем.

– А я Николай Александрович, очень приятно. Послушайте, я не собираюсь вас обманывать, – волнуясь, стал объяснять Ника. – Просто нужно удостовериться... Если это то, что я думаю, то это... это будет...! Вы посидите пока тут. Я скоро.

Проходя мимо Вали, на всякий случай шепнул:

– Не выпускать. Ни под каким видом.

Та кивнула и загородила своим силиконовым бюстом дверной проем. Теперь сдвинуть с места ее можно было только бульдозером.

* * *

Путь был не дальний – квартира находилась совсем рядом, в соседнем подъезде.

Две минуты ушло на то, чтобы спуститься во двор, пройти десять метров и снова подняться. И еще минут пять Ника стоял перед дверью собственного жилища, решая сложную проблему: позвонить или открыть ключом?

Всё это время изнутри лились печальные звуки грибоедовского вальса – то по-ученически робкие, то мастеровито-уверенные.

Алтын Мамаева, жена Николаса А. Фандорина, бывшего подданного ее величества и баронета, а ныне гражданина Российской Федерации, занималась музыкой с преподавателем. И не просто с преподавателем, а с самим Ростиславом Беккером, лауреатом всевозможных конкурсов, гордостью отечественной культуры.

Смотрите, что получается.

Первое. Красивый, знаменитый и богатый гений 5 (пять) дней в неделю таскается на Солянку, чтобы тратить свое баснословно драгоценное время на дилетантку, едва помнящую ноты.

Второе. Деловая женщина, шеф-редактор преуспевающего журнала, извечная трудолюбивка, возвращающаяся с работы не раньше девяти вечера, каждый день находит полтора часа, чтобы заезжать домой на урок. Ни одного не пропустила. А время занятий, между прочим, такое, когда дома ни мужа, ни детей.

Третье. Алтын всегда говорила, что музыкальная школа, все эти Гедике и Майкопары – одно из худших воспоминаний ее детства.

Четвертое. Куплен за 5000 (пять тысяч!) долларов рояль «гербштадт».

Пятое. К тридцати пяти, войдя в самый лучший женский возраст, Алтын так сногшибательно, так мучительно похорошела, что чертов Ростислав был бы просто идиот, если б не предложил такой ученице свои лучезарные уроки.

Вот к чему привело лестное знакомство со знаменитостью на журнальной презентации (будь она проклята). Алтын вспылала внезапной любовью к гармонии, лауреат увлекся преподаванием, а мелкий предприниматель сомнительного профиля Н.А. Фандорин лишился покоя.

Ладно, ничего особенного, сказал себе Ника, не накручивай себя. Обычные уроки музыки.

Но все-таки как войти? Если без звонка – получится, как будто подкрался. Но звонить к себе домой будет совсем странно. Или сказать, что забыл ключ?

В результате открыл дверь сам, но долго лязгал в замочной скважине и в прихожей нарочно произвел побольше шума.

На столике в коридоре лежали рядышком крошечный портфельчик звезды и большущий ридикюль Алтын. Известно, что статные мужчины любят маленькие сумки, а миниатюрные женщины – большие, но бедный Ника и в этом невинном зрелище усмотрел новый повод для самотерзаний.

Портфельчик был страусиной кожи и, наверное, стоил таких денег, какие «Страна советов» не зарабатывала и за месяц.

Во сколько обошелся змеинный ридикюль, страдалец понятия не имел, потому что не мог покупать супруге такие дорогие вещи – Алтын одаряла себя ими сама.

Увы, ПБОЮЛ (предприниматель без образования юридического лица) Фандорин был существенно беднее своей жены, и несравнимо беднее собственной секретарши. О чем обе ему постоянно напоминали, причем (что хуже всего) не коря, а *материально поддерживая*. Алтын, та покупала дорогие пиджаки и рубашки, да еще бессовестно врала про какие-то неслыханные распродажи по 499 рублей. Валя же взяла моду по всем мыслимым и немыслимым поводам делать шефу дорогие подарки. Зная его как облупленного, выбирала вещи, от которых Ника был не в силах отказаться. То преподнесет на 23 февраля чиновничью парадную шпагу с выгравированным инициалом «Ф» (вдруг принадлежала дедушке Эрасту Петровичу?!), то на 1 мая (ничего себе праздничек) добудет два билета на концерт рок-группы «Спаркс», которую Ника обожает со студенческих лет. А недавно, в День независимости, презентовала фальшивый испанский дублон 16 века. Официальное название монеты «экселенте», «дублоном» ее прозвали за дубль-портрет соправителей, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастиль-

ской. На реверсе слез тонкий слой позолоты и видно залитый внутрь свинец. Фантастическая вещица! Музейный экспонат, наверняка кучу денег стоит, но дело не в этом. Было в фальшивом дублоне что-то особенное. Когда требовалось сосредоточиться, Ника доставал монету из бумажника, вертел в пальцах, гладил неровную поверхность, и почти всегда помогало: проскакивала какая-то искорка, мысль поворачивала в правильном направлении, и решение приходило будто само собой. Есть такие энергозаряжающие артефакты, это давно известно. Они бывают универсального действия, а бывают и сугубо индивидуального. Несколько лет назад, проведя долгое, обстоятельное исследование, Ника установил, что старые нефритовые четки, доставшиеся ему по наследству, некогда принадлежали Эрасту Петровичу и служили гениальному сыщику для внерациональной концентрации мыслительной энергии. Нике дедовы бусы пользы не принесли – обычные зеленые камешки, ничего особенного. Зато поддельный дублон пришелся кстати.

Дублон испанский

Вот и сейчас, готовясь к встрече с женой и ее учителем, он вертел в кармане фальшивое золото. Как себя вести? Что сказать?

Напомни ей про детей, ведь она мать, пришла в голову спасительная идея. Сразу и подходящее выражение лица образовалось: мягкое, но слегка встревоженное.

– Здравсьте, – вежливо, но немножко рассеянно (то есть именно так, как следовало) пожал он руку лауреату, который в ответ улыбнулся двусмысленной кошачьей улыбкой.

А жене Ника сказал:

– Я на минутку, надо кое-что посмотреть. – И вполголоса прибавил. – Слушай, нам нужно найти время – поговорить про Гелю. С ней что-то происходит. Может быть, вечером?

Пианист деликатно отвернулся, а лицо Алтын, покрасневшее (будем надеяться, только от музыки) и ужасно красивое, виновато дрогнуло – стрела попала в цель.

– Ты же знаешь, у меня в одиннадцать ночной тест-драйв.

Последние два года она возглавляла журнал «Хайхилз», еженедельник для женщин-автолюбительниц: минимум технических подробностей, максимум элегантности и практичности. Поработав сначала в политическом издании, потом в эротическом, Алтын нашла наконец занятие по душе. Никакой грязи, сплошь положительные эмоции плюс каждый месяц на обкатку новое авто, одно шикарней другого. О чем еще может мечтать современная деловая женщина?

– Да-да, конечно, я забыл, – с иезуитской кротостью кивнул Ника. Мол, ясное дело, музицирование важнее родной дочери. – Ну, не буду мешать... Вы занимайтесь.

И пошел в комнату, к книжным полкам.

Посмотрел на свое отражение в стекле, поморщился. Ну что, Фома Опискин, добился своего, испортил жене удовольствие? А если она просто хочет научиться хорошо играть на фортепиано? Вдруг взяла и в тридцать пять лет впервые открыла для себя волшебный мир музыки?

Ведя пальцем по сводному алфавитному указателю произведений, включенных в ПСС Достоевского, он еще некоторое время поугрызался, потом взял себя в руки. Посмотрел снова, уже сосредоточившись.

Особенно изучать было нечего. На букву «Т» в указателе имелась одна-единственная позиция:

«Тайный совет., кн<язь> Д. Обол<енски>й» (1875; неосущ. замысел), XVII, 14, 250,443».

И всё, никакой «Теорийки».

Неужели...?!

Стоп, стоп, – осадил себя Ника. Не будем торопиться. Нужно просмотреть рукопись повнимательней. Скорее всего это черновик какой-нибудь работы, которая впоследствии получила другое название.

* * *

Тем не менее в офис он ворвался запыхавшись – ни одним, ни другим лифтом не воспользовался, терпения не хватило.

– Не ушел?

– Пробовал, – хладнокровно ответила Валя, поправлявшая у окна макияж. – Причем с применением насилия. Боксер долбаный. Пардон, я хотела сказать: «жалкий боксеришка». Одними руками много не намахает. Тэквондо покруче будет.

– Ты что, его побила? – горестно воскликнул Николас. – Ах, Валя, Валя, ну что мне с тобой делать!

Он заглянул в кабинет и увидел, что владелец уникальной рукописи сидит на корточках, держась обеими руками за промежность. Рукопись он прижимал к груди подбородком. Лицо у парня было бледное и злое.

– Моё, не отдам! – просипел он. – Суки!

– Никто не покушается на вашу собственность, – поспешил заверить его Фандорин. – Ради Бога, простите мою секретаршу. Это я виноват. Она поняла мою просьбу – не отпускать вас – слишком буквально. Но вы ведь, кажется, первый попытались ее ударить? Вот, выпейте воды и успокойтесь...

Он взял молодого человека за локоть, усадил в кресло.

– Если ваша рукопись – то, что я думаю, она поистине бесценна. Это национальное, нет, всемирное достояние! Но чтобы убедиться, я должен ее прочесть. Вы позволите?

– Хрена! – рявкнул Рулон, то есть Рулет, да-да, Рулет. – Гони тыщу, тогда дам. Только при мне.

– Да что у вас всё «тыща» да «тыща», – расстроился Ника. – Говорю вам: возможно, это культурное событие мирового значения! В самом деле, вам нужно выпить воды.

– Не надо мне воды! Где у вас тут сортир?

– За дверью, налево. Может быть, вы пока позволите мне взглянуть?..

Фандорин протянул руку за рукописью, наткнулся на красноречивый злобный взгляд и со вздохом вынул тысячерублевую бумажку. Лишь тогда Рулет сунул ему страницы.

– Только почитать. Вернусь – отдашь, – предупредил невоспитанный молодой человек и быстро вышел.

– Видишь, как ты его оскорбила, – посетовал Фандорин выглядывавшей из-за двери секретарше. – А вначале был такой славный.

Валя презрительно наморщила носик.

– Ничего, сейчас повеселеет.

– Почему ты так думаешь? – спросил Ника, разглаживая слегка примятый первый листок.

– Совершит подвиг – в смысле, подвинется в вену, и сразу станет сахарный.

Но Фандорин этих слов уже не слышал, он читал. Сначала разбирать почерк было трудновато, но довольно скоро глаза привыкли, и дело пошло быстрее.

Теорійка Петербургская повѣсть Сочиненіе Ф. Достоевскаго

Глава первая А может и к лучшему

В понедельник с самого утра Порфирий Петрович занимался делом хлопотным, но небесприятным – обустроивал казенную квартиру, вплотную примыкавшую к его служебному кабинету (удобнейшая вещь!). Кое-что надобно было подправить и подкрасить, прибавить уютца, а самое головоломное – найти место для книг, покамест лежавших в коробках. Прежний жилец обходился одним-единственным шкапом, в котором содержались лишь пыльные тома с законоуложениями, новый же обитатель любил не только юридическое, но и вольное чтение, так что пришлось заказывать столяру два десятка поместительных полок, которые только нынче прибыли и устанавливались на место.

С наслаждением вдыхая запах стружки и свежего лака, надворный советник (таков был чин новосела) аж примурлыкивал от удовольствия, собственноручно расставляя по рядам сочинения Декарта и Мирандолы, томики Лермонтова и Пушкина, равно как и новейшие сочинения европейских литераторов – Стендаля, Диккенса, Гете, ибо был обучен трем главнейшим европейским языкам, не считая древних.

Порфирий Петрович, шесть дней назад определенный приставом следственных дел в Казанскую часть Санкт-Петербурга^[2], был собой не сказать чтобы красив или хотя бы представителен. Росту пониже среднего, полноватый и даже с брюшком, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-желтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно выглядело бы, пожалуй, даже и добродушным, если бы не выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье. Однако же те, кто знал Порфирия Петровича по службе, не обманывались округлостью его неспешных движений и плавной вкрадчивостью речей. Да и новые сослуживцы уж успели заметить, что человек он толковый, хотя и не без странностей.

Приятности забот по обустройству квартиры мешало лишь одно обстоятельство – утомительнейшая, нечасто обрушивающаяся на столицу жара, чуть не в сорок градусов. Порфирий Петрович сам прикрепил к оконной раме отличный немецкий градусник, показывавший температуру и по Реомюру, и по Цельсию, с досадою понаблюдал за тем, как ползет кверху серебристый столбик, и вздохнул, увидев, что сие восхождение остановилось, чуть-чуть не дойдя до отметки 38.

Индейца бы сейчас с опуханием, как у англичан в Калькутте, мимолетно подумал Порфирий Петрович, отроду ни в Калькутте, ни в прочих заграничах не бывавший. За неимением в штатном расписании Казанской части услужливых индейцев надворный советник решил, что пора отправляться на вольную квартирку, которую до окончания ремонта он снимал неподалеку от съезжего дома, здесь же, на Офицерской улице. Там в ванной комнате ожидал наполненный водою чан и на цепке отменно удобная лейка, какой можно отлично поливаться, не прибегая к посторонней помощи. Порфирий Петрович, среди прочих своих чудачеств, не держал

никакой прислуги и всегда обихаживал себя сам, так что ежели пресловутый индеец откуда-нибудь и взялся бы, махать опахалом ему бы не дозволили.

Взяв в руку шляпу и надев поверх пропахшей потом рубашки сюртук, пристав прошел через небольшой коридорчик в кабинет, откуда удобнее было попасть на улицу, однако дверь в следующую комнату, приемную, открыть не успел – створки сами распахнулись ему навстречу. На Порфирия Петровича, едва не сшибив его с ног, налетел распаренный молодой человек, которого надворный советник тотчас признал. Это был Заметов, письмоводитель из третьего квартала. Заметова и прочих квартальных чиновников новый следственный пристав видел на прошлой неделе, когда обходил полицейские конторы подведомственной территории с целью знакомства.

Вот ведь странно. Ничего отталкивающего и тем более пугающего во внешности Заметова не было, а между тем, едва взглянув на его лицо, Порфирий Петрович ощутил очень неприятный спазм в сердце, стиснувшемся от скверного предчувствия.

Хотя, с другой стороны, что ж странного? Если полицейский чиновник в неурочное время без стука врывается в кабинет пристава следственных дел, хорошего не жди.

– Пардон! – вскричал Заметов, отскакивая несколько назад. – Виноват, зашиб! Ваше высоко...благородие! Ваше высокоблагородие!

Бедняга так запыхался, что едва мог говорить, и длинное слово никак ему не давалось.

Но Порфирий Петрович уже понял – приключилось нечто из ряда вон выходящее, и принял меры. Взял письмоводителя за руку, крепко тряхнул.

– Вы Заметов из третьего, верно-с? Вы уж меня извольте без титулования-с, просто «Порфирий Петрович». Помилуйте-с, мы же не в армии. Виноват, вашего имени-отчества не припомню?

– Александр... Григорьевич, – вымолвил чиновник, переводя дух.

Это был очень молодой человек, лет двадцати двух, с смуглой и подвижной физиономией, казавшеюся старше своих лет, одетый по моде и фатом, с пробором на затылке, расчесанный и распомаженный, со множеством перстней и колец на белых отчищенных щетками пальцах и золотыми цепями на жилете.

– Ну что там у вас в Столярном стряслось, рассказывайте, – велел пристав (в Столярном переулке располагалась полицейская контора третьего квартала).

– Меня к вам квартальный, Никодим Фомич! Сам-то он там! – опять заволновался, заневнятничал Александр Григорьевич да вдруг как крикнет. – Убили! Злодейским образом! Сразу двоих! Нет, то есть не двоих, а...

Он смешался, захлебнувшись словами. Пристав же на миг смежил желтоватые припухлые веки и мелко перекрестился. Не обмануло предчувствие-то.

– Вы вот что-с, – тонким пронзительным голосом сказал надворный советник, крепко взяв Заметова за рукав и ведя к столу, где стоял графин с водой. – Вы перво-наперво выпейте воды-с... Вот так-с. А теперь сядьте в кресло и по порядку-с, по-порядку-с. Кого убили, где, кто?

Выпив воды и усевшись, Александр Григорьевич немного успокоился, и оказалось, что он умеет говорить и связно, и толково.

– На Екатерингофском, процентщицу Шелудякову, в собственной квартире. Ударом по голове. Я хотел уж домой, а тут такое дело. Побегал за вами. Сначала в ту вашу квартиру, там никого, так я сюда. Вдруг, думаю, еще на службе застану...

– Убили злодейским образом? С целью ограбления? – не спросил, а как бы сам себе сказал Порфирий Петрович.

Теперь волнение письмоводителя сделалось понятно.

Шумные и грязные кварталы, расположенные вдоль берегов Екатерининской канавы, никогда не отличались благочинием и беспорочностью. Чем ближе к нехорошей Сенной пло-

щади (по счастью, относившейся к соседней Спасской части), тем гуще лепились трактиры, распивочные и порочные заведения. Пьяные драки, воровство, мелкое фармазонство и прочие подобные неприятности, неизбежные во всяком большом городе, здесь случались ежедневно. Бывало, что и прибьют кого до смерти, спьяну или в ссоре. Но душегубства злодейские, с предварительным умыслом, здесь случались нечасто. Вполне вероятно, что впервые на недолгой служебной памяти юного Александра Григорьевича. Сколько пристав помнил статистику, за целый минувший год в Санкт-Петербурге, во всех десяти его частях, умышленных смертоубийств случилось пятнадцать. И каждое раскрыто, потому что русский убийца – это вам не англичанин какой-нибудь, который убивает с холодной головы и после так концы спрячет, что не сыщешь. Русский злодей горяч и нерасчетлив, крушит на авось. Не попадется сразу – пойдет в кабак и проболтается спьяну первому собутыльнику. Или же наутро протрезвится, схватится за голову да побежит сам сдаваться: мол, хватайте меня, православные, я убил!

Агентов по кабакам наряжать, это самое первое, заметил себе Порфирий Петрович. Далее – следы на месте злодеяния. Ну и соседей, конечно, расспросить.

Ох, беда, беда. Не успел толком в должность заступить, еще не от всех доброжелателей поздравления принял, а уже умышленное убийство. Не опростоволоситься бы.

Мысль была вроде тревожная, а в то же время и не вовсе неприятная. Надворный советник ощутил знакомое азартное щекотание в носу, потому что по складу характера любил разгадывать мудреные задачки и более всего преисполнялся жизни, когда расследовал какое-нибудь заковыристое дело.

– Постойте-с, – встрепнулся он вдруг. – Вы сказали «сразу двоих»? Я не ослышался? Двоих убили-с? – В нетерпении он отобрал у снова принявшегося пить воду Заметова стакан. – Да говорите же!

– Убивали двух, а убили одну, – не очень понятно начал объяснять Александр Григорьевич, но тут же поправился. – Алена Ивановна, процентщица эта, с сестрой проживает. Так вот сестру тоже по голове стукнули, но не насмерть, оглушили только. В Обуховскую свезли. Наш поручик Илья Петрович хотел немедленно бежать, допросить, но капитан не дал. Не наше, говорит, дело. Это, говорит, пускай следственный пристав.

Обуховский больница

– Очень, очень верно рассудил почтеннейший Никодим Фомич!

Надворный советник просветлел лицом – сразу по двум причинам. Во-первых, преступление все-таки оказалось не европейское, а русское, на авось. А во-вторых, живой свидетель – это совсем другое дело. Всё обрисует, всё расскажет, укажет на преступника, а там объявляй голубчика в розыск, и дальнейшее не наше дело, пускай полиция ищет.

Выходило, что а может оно и к лучшему. Не успел новый следственный пристав вступить в должность и тут же, в первую неделю, раскрыл умышленное убийство с ограблением. Начальству ведь все равно – был свидетель, не было, лишь бы дело закрыть и отрапортовать. Так вот вам, извольте-с. Очень недурно выйдет и для формулярного списка, и в смысле репутации^[3].

Однако окрыленность мыслей осеняла Порфирия Петровича недолго. Когда они с письмоводителем вышли на улицу, чтоб направиться в Обуховскую больницу, надворного советника ударила новая мысль, тревожная.

– А она сильно зашиблена, сестра эта? Не помрет-с?

– Этого сказать не могу. Ее когда увозили, в беспамятстве была. Процентщицу-то одним ударом, наповал. А у Лизаветы голова, что ли, крепкая. Или вскользь пришлось. Виноват, не скажу.

Александр Григорьевич развел руками, и у пристава снова тоскливо сжалось сердце.

Уже не обращая внимания на жару, он несолидной рысцой припустил вдоль улицы, Заметов за ним.

На углу Сенной пришлось остановиться, чтоб перевести дух, потому что одутловатый Порфирий Петрович совсем запыхался. Шумно вдыхая воздух и держась за бок, думал: здоровье ни к черту. Раньше бы – подумаешь, верстенку пробежать. Разумеется, лета уже не юные, однако иные в тридцать пять вон какими селезнями, а у нас извольте – сердце подорвано крепким кофеем да бессчетными папиросами, в желудке изжога от холостяковского питания, и от него же геморроидальная, mille pardons, шишка. Надобно, надобно записаться в заведение Клевезала, что у Синего моста. Все хвалят. Даже тайные советники туда ходят – делать шведскую диетическую гимнастику. Говорят, помогает.

Посокрушался так не долее минуты, потом побежали дальше и очень скоро уже шагали по длинному больничному коридору, выкрашенному тоскливой гороховой краской.

Потребовали к себе доктора.

Тот вышел, устало потирая переносицу. На заданный дрожащим голосом вопрос: «Скажите-с, жива ль доставленная полицией Лизавета Шелудякова? И ежели жива, не пришла ли в память?» – ответил, что отлично жива, от удара оправилась, ибо ушиб невелик, и говорить вполне может.

Глава вторая

Пустое-с

Удивительная вещь. Пока Порфирий Петрович пребывал в опасении, что свидетельница померет, не успев ничего рассказать, он и спешил, и суетился, бежал со всех ног по духоте, так что не только себя, но и гораздо более юного Александра Григорьевича в пот вогнал. Услышав же от доктора, что свидетельница совершенно благополучна и может сей же час быть допрошена, надворный советник всю свою ажитированность потерял, а напротив сделался как-то вял и задумчив.

– Скажите-с, дружочек, – молвил он вполголоса, беря Заметова под локоть и уводя в сторону, к окошку, – какова она, эта Лизавета? Она ведь жительница вашего квартала, так, может, вы ее и прежде-с знавали?

Письмоводитель с разгона еще переминался с ноги на ногу и рвался бежать дальше, к цели.

– Знать хорошо не знаю, а видел, – торопливо сказал он, оглядываясь в сторону палат (доктор разъяснил, что ушибленную Шелудякову поместили в номер двенадцатый). – В конторе. По делу о сдании младенца в Воспитательный дом. Идемте же, что вы?

Но пристав никуда не пошел, а вместо этого зевнул, прикрыв рот ладошкой, да еще и уселся на широкий подоконник, заболтал своими коротковатыми ножками.

– В Воспитательный-с? – уютно изумился он. – Это девица-то?

Увидев, что спешки более нет, полицейский письмоводитель приготовился рассказывать.

– Вы не подумайте ничего такого, Порфирий Петрович. Она, Лизавета эта, баба добрая и честная, никто про нее дурного не скажет. Вот сестра ее, покойная Алена Ивановна, та была истинная пиявица, навряд кто по ней заплачет. Вдвоем они проживали, на Екатерингофском. На ростовщичестве много нажиться можно, особенно если сердца не иметь, а у Алены Ивановны этот орган наовсе отсутствовал. Жила она скудно, копеечничала, а сама богатая была.

– Теперь, стало быть, сестрице ее достанется, – понимающе кивнул Порфирий Петрович.

– Э, нет. Про старуху известно, что она всё состояние монастырю какому-то отписала, много раз прилюдно этим хвасталась.

– Ну, это, может, похвальба одна, а никакого завещания в природе не существует-с. Старухи, особливо жадные, удивительно неохочи духовную писать. Желают проживать вечно-с. Так что, очень возможно, ушибленная Лизавета через смерть сестрицы обогатится.

Заметов не сразу понял, куда клонит пристав, а когда понял, засмеялся.

– Ох, уж это вы... То есть совсем не туда. Если б я Лизавету не знал, то, может, и я бы что-нибудь такое вообразил, но нет, невозможно. Здесь надобно обстоятельства понимать. Процентщица сестру свою ни в грош не ставила. Та намного моложе, лет на двадцать пять. Сводная, что ли. Старуха ее вместо прислуги держала Обижала много, даже била. А та тихая, безответная. Никому ни в чем отказать не может. Оттого и поминутно беременная ходила, многие ее забитостью пользовались. Родит – и в Воспитательный дом несет^[4], потому что Алена Ивановна всё одно младенца в дом не пустила бы.

– И что же-с, много у нее народилось таких деточек? – тоном завязтого сплетника осведомился пристав и даже как бы слегка подхихикнул.

– Не возьмусь сказать. Да Лизавета и сама, может, со счету сбилась. Она ведь немножко того, – он покрутил пальцем у виска, – малахольная.

Порфирий Петрович так и вскинулся.

– Как малахольная, как малахольная-с? Говорить может? Мысли-с излагать?

– Говорить говорит, что же насчет мыслей, то где ей. Мысли во всем цивилизованном мире, может, человек у десяти сыскать можно, да и то сомнительно, – философски заметил на это Заметов.

– Это конечно так-с, если вы мысли в глубоком понятии трактуете, – протянул надворный советник, прищутив свои и без того неширокие глазки. – А скажите, славный Александр Григорьевич, что за публика пользовалась щедротами Алёны Ивановны, то есть ее кредитом-с? Местные обыватели или же не только-с?

– Она ссужала не иначе как под залог, причем никогда не давала более четверти истинной цены. А на такое условие кто пойдет? Пропойца разве или человек в последней крайности. Но ходили, и многие ходили, потому что жадна очень была, любую мелочь принимала, какой другие процентчики побрезгуют. Хотя в рублишко ценой, ей все равно.

– Совсем вы меня заговорили-с, – укоризненно объявил вдруг надворный советник, спрыгивая на пол. – Дело-с, дело-с прежде всего. Которая тут двенадцатая?

От такой несправедливости Заметов даже ахнул, но заявить протест не успел – пристав уже удалялся по коридору, пришлось догонять.

* * *

Лизавета Ивановна Шелудякова оказалась женщиной лет тридцати пяти, очень высокого роста, неуклюжей, смуглой, с большими, совершенно коровьими глазами. Она не лежала в кровати, а сидела, свесив ноги в стоптанных козловых башмаках, будто готовилась поскорей уйти из палаты, чтоб никого не обременять своим присутствием. Большая голова ее была перевязана белой тряпицей.

Доктор стал объяснять:

– Привезли – без сознания была. Но, полагаю, не от удара – со страху. Потому дал нашатырю – сразу очнулась. И давай скромничать. Разуть себя, и то не дала. Насилу перевязал. Там, впрочем, кроме умеренной шишки ничего. Ну, беседуйте, а вы все подите, подите, – замахал он на прочих больных.

Пятеро женщин, все по виду самого простого звания, безропотно поднялись со своих мест и, с любопытством оглядываясь, вышли в коридор. Заметов плотно прикрыл дверь.

– Сердечно рад знакомству-с, – сказал надворный советник перепуганной Лизавете, усаживаясь на стул и приятнейше улыбаясь. – А еще более ошастливлен чудесным вашим спасением-с. Это уж истинно, как говорится, Провидение Божье.

Он сделал постную мину и трижды перекрестился, но бойкий, с ртутным блеском взгляд не переставал обшаривать лицо Лизаветы. Она тоже всё глядела на пристава, но от робости не могла вымолвить ни слова. Подняла было руку для крестного знамения – да и не осмелилась донести до лба.

– А знаете, маточка вы моя, что я в лютой зависти пребываю. Да-с. – Все тело Порфирия Петровича затряслось в мелком смехе. – И к кому бы вы думали-с? К ним, – он обернулся к двери, – к товаркам-с вашим. Им-то вы уж беспременно всё рассказали, а я, хоть и пристав следственных дел-с, а ничегошеньки пока не знаю-с, сижу перед вами дурак дураком-с. – Он еще с полминуточки посмеялся, словно бы давая собеседнице время разделить с собою веселье, и заговорщицки подмигнул. – Ну, рассказывайте-с. Что видели? И главное, кого-с. Это для нас сейчас самое-рассамое.

Закинул ногу через коленку, сцепил пальцы – приготовился слушать. Заметов, стоявший у надворного советника за спиной, тоже весь обратился в слух. Приготовил книжечку с карандашом, записывать показание.

Лизавета молчала.

– Да вы по порядку-с, по порядку-с, – помог ей Порфирий Петрович. – Вы с сестрицей вашей дома были, так-с? Тут звоночек в дверь. У вас ведь, верно, колокольчик-с?

– Кнопка, – тихо ответила раненая, и пристав облегченно улыбнулся. Малахольная не малахольная, но вопросы понимает и отвечать может.

– Вот и отлично-с. Итак, раздался звонок – дзинь-дзинь, или трень-трень, я не знаю, как оно там у вас.

– Бряк-бряк, – поведала свидетельница. – Только меня дома не было.

– Это как же-с? – озадачился надворный советник.

– К куму ходила. Кум звал, чаю пить, в сегом часе. – Кажется, Лизавета понемногу переставала бояться собеседника и сделалась поразговорчивей. – Сговорено у нас было.

Порфирий Петрович так весь и сжался. Вкрадчиво спросил:

– Минуточку-с. Правильно ли я понял, что вы в этот час дома быть не предполагали-с и Алене Ивановне следовало находиться в квартире одной-с?

Свидетельница захлопала ресницами, очевидно, не поняв вопроса.

– Кто знал, что тебя в гости позвали? – не вытерпел Александр Григорьевич.

– Кум знал, кума. Сестрица Алена Ивановна, – стала загибать пальцы Лизавета. – А больше никому.

– Ну хорошо-с, – слегка поморщился пристав. – Дальше рассказывайте.

– Пришла я к куму, а кума возьми и захворай.

– И вы, чаю не попив, отправились восвояси, домой-с?

Женщина кивнула.

– Вот с того самого момента-с, как вы по лестнице поднялись... У вас, позвольте поинтересоваться, который этаж?

– Четвертый, – подсказал Заметов.

– С того момента-с, как вы на четвертый этаж поднялись, как можно подробней-с, – попросил надворный советник. – Что слышали-с, что увидели-с.

Подумав, и довольно долго подумав, Лизавета неуверенно сказала:

– Ничего не слыхала.

– А что дверь-с?

– Незаперта была, вовсе. Я еще подивилась. Алена Ивановна всегда засовом укрывались.

– Так-так, – ободряюще закивал Порфирий Петрович. – И что же вы, вошли-с?

– Вошла.

– И куда же-с? В комнаты?

– В комнаты.

– А там что-с?

Лицо свидетельницы вдруг приняло совсем детское, обиженное выражение, из ясных глаз без малейшей задержки потекли крупные слезы.

– Алена Ивановна... на полу. – Лизавета всхлипнула. – Рученьку вот этак вывернула. Глаз открытый, смотрит. Думаю, куда это она смотрит-то, чего это она на полу-то.

– Ничком, что ли, лежала? – быстро перебил пристав.

Женщина шмыгнула носом, непонимающе глядя на чиновника, но на этот вопрос мог ответить Александр Григорьевич:

– Так точно, ничком, одна рука вперед вытянута, и голова вот этак вот повернута. А глаз, точно, открыт.

– А потом что-с?

Порфирий Петрович спросил и затаил дыхание, потому что беседа подобралась к самому важному месту.

– Гляжу – красное у ней в волосах, вот тут, – показала Лизавета на свой перевязанный затылок. – «Алена Ивановна, говорю, что это вы? Упали? Зашиблись?» На корточки присела, хотела помочь. Вдруг шорохнуло сзади...

Она снова заплакала, но теперь одними лишь слезами, без всхлипов. Надворный советник терпеливо ждал.

– Хочу обернуться, а не могу – страшно...

– Так и не обернулись? – тоже со страхом прошептал Порфирий Петрович, но уж и сам знал, каков будет ответ.

– Не насмелилась.

– А потом удар, темнота, и очнулись в больнице. Так что ли-с?

Пристав в сердцах хлопнул себя по колену и вскочил.

Свидетельница в испуге смотрела на него снизу вверх. Робко кивнула.

– Виновата, батюшка...

* * *

– Пустое-с! Всё пустое-с! – с тоскою приговаривал надворный советник, поднимаясь по лестнице большого мрачного дома, выходявшего одной стороною на Екатерингофский проспект, а другой на канаву. – А главное, так и чувствовал, что никакой потачки в этом деле мне не будет-с. Интуиция-с. Знаете такое слово?

– От латинского *intuitio*, что означает «постижение истины, непосредственное логикой», – блеснул Заметов, показывавший дорогу. – Вот здесь, в третьем этаже ремонт, маляры работают. А в четвертом одна квартира пустая, в ней чиновник Люфт проживал, на прошлой неделе съехал, так что на площадке Шелудяковы остались одни.

– И про это он, вероятно, знал-с.

Порфирий Петрович остановился перед приоткрытой дверью, из-за которой доносились голоса.

– Кто «он», ваше высокоблагородие? – не понял письмоводитель.

– Преступник-с. И про съехавшего немца, и про Лизавету с ее «семым часом». Про захватившую куму единственно-с лишь не знал. Хоть это обнадеживает, всё-таки не вездесущий сатана, а тленный человек-с.

Вздыхнув, надворный советник нажал медную кнопку звонка. Колокольчик, в самом деле, как и говорила свидетельница, издал какой-то брякающий, надтреснутый звук.

Не дожидаясь отклика, вошли.

В квартире, невзирая на поздний час, было светло – июльское солнце еще не спустилось за крыши.

– А-а, привели? – оглянувшись на письмоводителя квартальный надзиратель, седоусый капитан с добродушным лицом в мелких красных прожилках. – Что-то долгоныч вы, Порфирий Петрович.

Коротко и как бы рассеянно объяснив причину задержки, следственный пристав быстро завертел во все стороны своею замечательно круглой головою. На лежавший у стола труп пока нарочно не смотрел – приглядывался к обстановке, впрочем, нисколько не примечательной.

Небольшая комната с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, – вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело. Ни пылинки нельзя было найти во всей квартире. «Это у злых и старых вдовиц бывает такая

чистота», – отметил про себя надворный советник и с любопытством покосился на ситцевую занавеску перед дверью во вторую, крошечную комнатку, где виднелись постель и комод. Вся квартира состояла из этих двух комнат.

– Спальня? Так-так-с, – промурлыкал сам себе Порфирий Петрович, заглянув в соседнее помещение.

То была крошечная комната с огромным киотом образов. У другой стены стояла большая постель, весьма чистая, с шелковым, наборным из лоскутков, ватным одеялом. У третьей стены был комод с выдвинутыми и отчасти даже вывернутыми ящиками. Из-под кровати торчал раскрытый сундук, вокруг которого на полу валялись какие-то сверточки и кулечки. Порфирий Петрович поднял один, прочел надпись на бумажке «7 июня, студ. Линчуков, 3 р. 25 к., 1 мес.».

– Это она заклады сюда складывала, – пояснил надзиратель Никодим Фомич. – Целая бухгалтерия. Видите – число, имя закладчика, сумма, срок.

Пристав покивал, пошарил по ящикам комода под бельем и достал оттуда изрядный пук кредиток, перетянутый красненькой лентой. Покачал на руке, передал квартальному.

– Пересчитайте-с. – И продолжил поиск.

Просмотрел какие-то бумажки, извлек потрепанную тетрадку и с чрезвычайным вниманием в нее уткнулся.

– Три тысячи сто двадцать пять рублей, – доложил Никодим Фомич. – Не нашел, видно. И из сундука лишь немного прихватил, с самого сверху. Там в сверточках не только дрянь. Золото есть, прочие ценные вещички. Спугнули его, что ли? Лизаветиного прихода напугался? Запросто мог бы, после сестры-то, сюда вернуться и остальное добрать.

– Загадка-с, – признал Порфирий Петрович, суя тетрадку в карман и все вертя головой по сторонам. – Что орудие убийства?

Закончив осмотр, наконец, подошел к мертвому телу.

Старуха лежала в точности, как описал Заметов: ничком, выворотив одну выброшенную руку. Открытый глаз мерцал стеклянным блеском. Крови на затылке было немного, она запеклась под жиденькой, скрученной в баранку седой косичкой.

Надворный советник набрал полную грудь воздуха и зажмурившись полез пальцами в рану. Лицо его сделалось бледным, однако руку Порфирий Петрович убрал нескоро.

– Прямоугольный пролом... Вершка полтора на три четверти... – сообщал он, с каждым мгновением все больше бледнея. На лбу выступили капли. – Пожалуй, обух небольшого топорика... Удивительной силы удар. Как это Лизавете свезло?

Наконец выпростал пальцы, мельком поглядел на них и покривился.

– Эй, умыться его высокоблагородию, – велел квартальный одному из солдат (полицейских в квартире кроме начальника было еще четыре человека).

Тщательно выполоскав загрязнившуюся руку в тазике и чистя специальной щеточкой ногти, надворный советник резюмировал:

– Удобнейшая вещь для убийства – топорик. Под мышкой какую-нибудь петельку или лямочку соорудил, подвесил, и под одеждою не видно-с. А выхватить можно в секунду.

Он показал, как можно выхватить из-под мышки топор и ударить сверху вниз.

– По макушке, – задумчиво протянул Порфирий Петрович. – Сзади-с. Отсюда что следует?

– Что? – спросил капитан.

– А то, что убитая преступника не опасалась, так что сама в комнаты провела, да еще спиною к нему оборотилась. И во-вторых-с, что он росту выше среднего, ибо бил сверху и пришлось прямо в маковку. Людей по лестнице и во дворе опросили-с?

Никодим Фомич приосанился:

– Как же, первым делом. Никто ничего.

– Чуяло сердце, чуяло, – жалобно молвил надворный советник. – С самого начала, как только господина Заметова увидел. Единственно вот что... – Он повернулся к письмоводителю. – Александр Григорьевич, душа моя, не в службу, а в дружбу. Вы все имена и сведения с бумажечек, в которые заклады-то обернуты, перепишите к себе. А после милости прошу ко мне на квартиру. Полночь, полночь – неважно-с. Нам теперь все одно не спать. Господин капитан, одолжите мне письмоводителя вашего в помощники? Очень уж толковый юноша.

Александр Григорьевич зарозовел от удовольствия и посмотрел на квартального с надеждою и страхом – не откажет ли. Но Никодим Фомич улыбнулся в усы и успокоительно подмигнул:

– Что ж, пускай. Скучно, поди, штаны в конторе просиживать.

– Благодарю-с. А в целом скверно, господа. Следов никаких-с, и свидетелей нет. – И пристав, уныло махнув рукой, вышел на лестницу.

Глава третья

Про Порфирия Петровича

Однако пришло время познакомиться с главным героем нашего повествования ближе, ибо история, приключившаяся с ним в жаркие июльские дни 186... года, возможно, обрисует его не самым привлекательным образом, а между тем это был человек в высшей степени замечательный. Не типичностью своего характера – о, отнюдь, так что критиков, требующих, чтобы герой непременно был носителем современных веяний, *выразителем эпохи*, эта личность, пожалуй, приведет в негодование. Порфирий Петрович, хоть и относился к завоеваниям прогресса с почтением, но кумира себе из них не сотворял, а по строгой приверженности установленным правилам и в особенности по своей старообразной манере говорить скорее мог быть отнесен к ретроградам. Одно, пожалуй, несомненно: это был человек странный, даже чудак. Чудак же в большинстве случаев частность и обособление, так что в «типические характеры» Порфирий Петрович никак не подходил. Но что был бы за интерес и вкус в жизни, если бы ее населяли сплошь одни «типические характеры»? Бог с ними совсем. Может, их на свете и вовсе не существует, разве что в воображении г.г. критиков.

История рода, от которого происходил наш герой, довольно необычна. Согласно преданию, бытовавшему в семье, но не подтверждаемому никакими письменными свидетельствами, ибо все фамильные документы сгорели от пожара еще в первой половине предшествующего столетия, предком Порфирия Петровича был служилый немец хорошей крови, фамилия которого даже начиналась на «фон». Потомки чужеземного пришельца прижились в России и расплодились во множестве колен, одни из которых возвысились, другие же захудали и впали в ничтожество. К сим последним относилась и линия Порфирия Петровича, дед и прадед которого были вовсе неграмотны, сами пахали землю и за утратой родовых грамот числились уже не дворянами, а однодворцами^[5]. К тому времени не только звание, но и самая фамилия их была утрачена. То есть не то чтобы полностью, однако же подьячий, выписывая погорельцам новые бумаги взамен сгоревших, басурманскую фамилию исковеркал и записал их «Федориными», а они по неграмотности проверить не могли.

Повторное возвышение рода началось недавно, с родителя нашего героя.

Будучи слабого здоровья, к крестьянскому труду Федорин-отец был негоден и поступил в семинарию, намереваясь переписаться в духовное сословие. Там он учился в одно время с самим Михайлой Михайловичем Сперанским и, подобно сему титану российской истории, променял подрясник на сюртучок мелкого чиновника.^[6] Но, в отличие от великого одноклассника, талантами не блистал и долгое время не мог подняться выше четырнадцатого класса. Лишь на самом закате своего кометоподобного фавора Михайла Михайлович, случайно повстречав где-то бывшего знакомого, обладал его и назначил на хорошую должность, но и эта улыбка Фортуны обернулась насмешкой. Благодетель низвергся в прах, по слухам, едва избежав казни, а его благоволение легло на формулярную судьбу Петра Федорина черным пятном.

К шестому десятилетию своей жизни отец Порфирия Петровича окончательно признал свою жизнь полностью неудавшейся. Вечный титулярный советник, он жил бирюком. Жениться не женился, ибо не мог сыскать пары. Женщины, ему нравившиеся, не пошли бы за человека бедного и немолодого, а тех, какие пошли бы, ему самому было не надобно. Он уж начал хлопотать в смысле пенсионера, надеясь в самом лучшем случае получить годовых рублей сто, но тут солнце вновь выглянуло из-за туч. После десятилетней опалы Сперанский вновь воссиял в блеске – уже не в таком, как прежде, но все же весьма значительном: сначала вершил суд над злосчастными декабрьскими мятежниками, потом был наставником цесаревича, членом всевозможных комитетов и комиссий, удостоился графского титула.

Повторно вознесясь, граф Михаила Михайлович особенно отличал тех, кто не отвернулся от него в тощие годы. Тут Федорину-старшему и пригодились записочки, которые он исправно посылал поверженному временщику ежегодно ко дню ангела.

М.М. Сперанский

В короткий срок безвестный титулярный советник выслужил потомственное дворянство, а затем и звезду, но что гораздо важнее для нашего повествования, женился на славной девушке-смолянке и родил сына. Из этой истории следует, что человеку ни в каком возрасте не следует ставить на жизни крест, ибо все еще может повернуться.

Ко времени, когда пришло время определять юного Порфирия на жизненное поприще, его можно было бы поместить хоть в Пажеский корпус, так как отец уже ходил в генеральских чинах. Но мальчик рос неуклюжим, слабосильным, да и что за имя для гвардейца или дипломата Порфирий?

Неблагозвучное это наименование возникло почти что случайно. По причине своего очень немолодого возраста будущий отец ребенка ужасно волновался, не родит ли жена мертвенького или увечного, и дал перед иконой обет: наречь сына либо дочку, это уж как Господь рассудит, именем первого же святого, кто в сей день проставлен в Святцах. Ну и пришлось на святителя Порфирия, памятного тем, что избавил первохристиан Святой Земли от притеснения язычников.

За нерасположенностью к военной карьере мальчик был отдан в незадолго перед тем учрежденное Училище Правоведения^[7], что на Фонтанке, дабы направиться по гражданской линии, то есть отцовской стопой. Так, на четырнадцатом году жизни, и определилась его судьба.

Вот вам два случая из жизни юного Порфирия Петровича, обрисовывающие этот характер.

Правоведы

* * *

Первый – из той поры, когда отрок только-только сделался одним из полутора сотен «чижииков», как называли правоведов за цвет их желто-зеленых мундирчиков.

По проверке знаний Порфирия определили в шестой класс, следующий за самым младшим, седьмым, то есть он попал в среду, уже сложившуюся, члены которой успели притереться друг к другу. Известно, как жестоки к новичкам подобные подростковые общества. Пришельцу, если он не силен физически или не как-нибудь особенно хитроумен, утвердиться в них трудно – стая сплочается против него.

В классе, куда зачислили Порфирия, как это заведено почти повсеместно, был обычай «цукать» новеньких, причем свежепринятому предлагался выбор: он мог либо стать «арапкой», то есть всеобщим прислужником вплоть до появления следующего новичка, либо доказать свою храбрость, пройдя испытание.

Низенький мальчик наморщил лоб, похлопал белыми ресницами и тихо, но твердо заявил, что ничьим «арапкой» он не будет, после чего пожелал узнать, в чем именно состоит испытание.

Ему рассказали – в несколько голосов, страшным шепотом, выкругливая глаза.

В одном из дворов училища имела старая конюшня, давно пустовавшая по причине обветшания. По преданию, то была единственная постройка, которая уцелела от времен жестокого герцога Бирона, которому сто с лишком лет назад принадлежало это владение^[8]. На конюшне истязали провинных и многих засекли до смерти, отчего по ночам там слышны жуткие стоны, а иной раз и являются души замученных. В этом-то нехорошем месте новичку и предлагалось пробыть с вечера и до рассвета.

Порфирий ужасно побледнел, потому что очень страшился привидений, но, как говорится, более всего на свете страшился страха, а потому согласился.

До полуночи худо-бедно продержался, только продрог в одной рубашке, но едва донесся звон курантов, из угла раздались кошмарные звуки: свист кнута, душераздирающие стоны. Когда же из тьмы выплыли белые фигуры, мальчик с криком выбежал на двор и там пал на камни без чувств.

Шутники (ибо роль призраков исполняли двое самых отчаянных в классе шалопаев) выскочили следом и попытались растормошить сомлевшего, но обморок был глубокий. Привести ребенка в чувство удалось лишь к вечеру следующего дня, немалыми усилиями врачей.

Начальство строго допросило Порфирия, что он делал во дворе посреди ночи и почему найден простертым на земле. К тому времени мальчик уже знал от самих заговорщиков, в чем заключается тайна страшной конюшни, однако не выдал их, а лишь твердил, опустив глаза: «Что вышел – виноват-с. А что упал-с, так это зашумело в голове, ничего не помню-с». (Обыкновение говорить с обильными словоерсами возникло у него с детства, от папеньки, и осталось на всю жизнь.^[9]) Больше ничего от новенького добиться не могли, лишь про то, что «зашумело в голове».

Получил Порфирий строгое наказание: три дня карцера и месяц без домашних отпусков, да еще в училище задразнили, придумав обидную песенку, которая, кстати говоря, с того самого случая и сделалась известна всему городу – про чижику-пыжика, что выпил рюмку, выпил две, зашумело в голове. Однако и жестоко дразнимый товарищами, Порфирий обидчиков не выдал.

Из этой маленькой истории видно, как уже с раннего возраста в нем сочетались чрезвычайная впечатлительность и столь же необыкновенная твердость характера. Первое из этих качеств с возрастом отнюдь не исчезло, лишь внешне стало менее приметным. Второе же, пожалуй, только усилилось.

* * *

А вот вам еще один эпизод, дополняющий портрет нашего героя и демонстрирующий другие две характернейшие его черты: неостановимую дотошность и редкую неустрашимость. Причем последняя черта тем удивительнее, что в людях обостренно впечатлительных, готовых впасть в продолжительный обморок от химеры, храбрость встречается редко, не то что в натурах бесхитростных и воображением обделенных.

Дело было вскоре после того, как Порфирий Петрович вступил на стезю казенной службы.

Начало его карьеры складывалось неблестяще. Учился он своеобразно: не выказывал успехов ни в римском праве, ни в торговом, ни же в гражданском судопроизводстве, зато шел первым по праву уголовному и полицейскому, а также специальным дисциплинам вроде психологии, токсикологии либо судебной медицины. Уже тогда определилось, что юноша имеет

склонность к службе, связанной с пресечением и расследованием злоумышленных преступлений. Из-за неровности успехов выпущен Порфирий Петрович был по второму разряду, то есть всего лишь губернским секретарем, и угодил в отдаленную, ничем не примечательную провинцию, судебным следователем. Кроме скромности академического балла сыграло роль и то, что к сему времени и папенька-генерал, и граф Сперанский успели покинуть земную юдоль, оставив выпускника-правоведа безо всякой протекции.

Впрочем, сказать, что губерния, куда отправили Порфирия Петровича, совсем уж ничем не блистала, было бы не вполне верно. Она, точно, не отличалась ни выдающимися памятниками, ни историческими реликвиями, зато – и это даже на весьма неблагонравном фоне нашей провинциальной жизни – выделялась какой-то особенной скверностью нравов. Начальство, пользуясь удаленностью от столиц, изолгалось и изворовалось до степеней совершенно невиданных и даже, можно сказать, фантастических.

Губернатором там двадцать с лишком лет сидел всё один и тот же лихоимец, окруживший себя еще худшими негодьями, так что ни в учреждениях власти, ни в судах добиться правды было решительно невозможно. Всё, что производилось в губернии, волоклось и засасывалось в одно жерло, а уж оттуда, по расположению местного властителя, распределялось между ним и его присными. Всякое сопротивление произволу было давным-давно истреблено, и население смиренно терпело любые притеснения, подобно стаду безгласных овец, которые не осмеливаются даже блеять, когда с них стригут шерсть либо тащат на бойню.

Но сколь веревочке ни виться, а рано или поздно конец сыщется.

Едва юный правовед прибыл к месту службы, едва успел оглядеться и прийти в содрогание от окружающей мерзости, как на губернию обрушилось великое потрясение.

То ли до столицы наконец дошли слухи о злоупотреблениях, то ли имелась какая иная причина, но в губернский город, совершенно как в известной комедии, нагрянул ревизор из Петербурга. То есть поначалу-то как раз не грянул, а прибыл тихонечко, партикулярным порядком. Пожил некоторое время инкогнито, собрал сведения, а потом взял, да и потребовал к ответу всё местное начальство.

Предложенную взятку с негодованием отверг, ибо оказался человек честный. Мало того – еще и дельный, что на Руси с честными людьми почти никогда не бывает. Собрал у себя в особенном портфеле такие бумаги, такие доказательства, что губернатору и всем его помощникам оставалось либо в каторгу, либо в петлю.

После грозного разноса собрались отцы города на тайное совещание. Сколько ни думали, спасения измыслить не смогли. Тогда и возникла отчаянная идея: ревизора живым из губернии не выпускать, а пресловутый портфель изничтожить.

Легко сказать! Приезжий чиновник был в генеральском чине, лично известен государю. Да если такой человек, находясь на ревизии, отдаст Богу душу в хоть сколько-то подозрительных обстоятельствах – беда. Взамен нагрянет целая следственная комиссия и камня на камне не оставит.

Так одними разговорами (и то в самом что ни на есть доверенном кругу) и закончилось.

Стали готовиться к худшему. Вице-губернатор на свои средства новую церковь заложил – душу спасать. Председатель казенной палаты, у которого как раз оказался выправлен паспорт для поездки на воды, вмиг собрал семейство и, не прощаясь, отбыл в чужие края. Прочие чиновники кто запил, кто слег в нервной горячке, кто усердно переписывал имущество на родственников.

И вдруг, перед самым отбытием ревизора и страшного его портфеля восвояси, случилось чудесное событие. В последний день пошел генерал на речку искупаться, да и прямо там, в купальне, на глазах у прислуги, пал мертвый без каких-либо видимых причин.

Натурально, произошел ужаснейший переполох. Что? Как? Не было ли злого умысла?

Наехали доктора, примчался губернатор. Все бледные, трясутся.

Однако ни малейших признаков злодейства не усматривалось – лишь явные и несомненные приметы ординарнейшей смерти от удара.

Несколько забегаю вперед, сообщим, что смерть высокого лица все же произошла по основаниям не вполне естественным, и даже вполне неестественным, однако исполнено всё было до того ловко, что придраться казалось невозможным.

Учинили вскрытие, при котором присутствовали чуть не все городские врачи. Определили *causa mortis* – разрыв сердечного мускула, и все подписались под соответствующим документом. Затем обложили тело льдом, поместили в свинцовый гроб и отправили в Санкт-Петербург. Если тамошние доктора пожелают перепроверить диагноз – ради Бога. А что из гостиничного номера пропал некий портфель, так то, может, слуги самого покойника и украл. Впрочем, в суматохе и неразберихе о портфеле как-то никто и не поминал.

Замысел здесь был весьма прост. Конечно, из столицы пришлют нового ревизора и, возможно, еще более сурового, но пока он будет добираться до сего медвежьего закоулка, многие концы удастся спрятать, да и вообще, как гласит античная максима, *praemonitus praemunitus*, то есть «предупрежденный вооружен».

Так бы всё и устроилось, если б не маленькая ошибка, допущенная губернскими хитрецами.

Для вящей приличности постановили провести расследование, ибо как же иначе – такой большой человек скоропостижно скончался. Дело поручили Порфирию Федорину, рассудив, что следователь-правовед – оно и для отчета солидно, и безопасно. Ни до чего мальчишка не докопается, поскольку зелен и никого в городе не знает.

Не ведая этой подоплеки, Порфирий Петрович взялся за работу с пылом. Выяснил, что за два дня до кончины, ужиная в трактире, ревизор отравился несвежей рыбой. Умереть не умер, но сильно расхворался, и по сему поводу был у него Штубе, известнейший в городе лекарь, который пользовал и губернатора, и всех первых лиц.

Потребовал следователь немца на допрос. Тот явился, само благодущие. Точно так-с, говорит, не отпираюсь, имел честь лечить его превосходительство. И преотлично вылечил. Прописал превосходнейшие лекарства, которые за полтора суток восстановили господина генерала в совершенном здравии. В доказательство Штубе предъявил собственноручную записку ревизора, писанную утром в день смерти. В письме ревизор благодарил за лечение и уведомлял, что теперь почти совсем уже здоров, лишь несколько ослаб.

Порфирий Петрович лекаря отпустил, а сам кое о чем потолковал со слугами покойника, готовившимися отбыть в скорбное путешествие с мертвым телом. Однако ничего подозрительного из их показаний, надо думать, не добыл, ибо на этом расследование закончилось.

Гроб увезли. Отцы города хорошенько подготовились к повторной ревизии, успокоились. Так миновал месяц.

Вдруг является наш Федорин к губернатору в полном мундире, при шпаге, и делает чрезвычайный доклад.

Так мол и так, ревизор-петербуржец злодейски умерщвлен происками доктора Штубе. Был доктор у выздоравливающего в самый канун кончины, для последнего освидетельствования. Во избежание застоя внутренних жидкостей выпустил из жилы три полные склянки крови, после чего велел выпить бутылку красного вина и принять речную ванну. От этих-то мер сердце у генерала и лопнуло. Посему следствие нужно открывать заново, чтобы выяснить, сам ли действовал доктор или по чьему наущению.

Губернатор, которому Штубе был друг и первейшее доверенное лицо, поначалу не слишком встревожился. Ах, говорит, милейший Порфирий Петрович, молоды-зелены вы, по горячности сердца чрезмерно увлекаетесь. Не мог Карл Иванович пациенту дурного насоветовать, ну а если и ошибся, то и на старуху бывает проруха. От врачебной ошибки до злодейского умысла на государственную особу дистанция ого-го какая.

Ничего-с я не увлекаюсь, прехладнокровно отвечает ему Порфирий Петрович. Вот у меня письменные показания, взятые у камердинера и кучера. Тут и про кровь, и про вино, и про речную ванну есть. А что до врачебной ошибки, так я запрос послал в Санкт-Петербургскую академию, и светила медицинской науки пишут, что ни один лекарь никогда не стал бы ослабленному болезнью человеку пускать кровь, а после, напоив вином, отправлять на купание в холодной воде, ибо по всем законам науки от сего должен воспоследовать удар – чем и закончилось.

Здесь губернатор спокойствие утратил, схватился за сердце. Зачем, мол, по этакому нешуточному делу в академию написали самоуправно, с начальством не обсудив?

А Порфирий Петрович ему: я, ваше превосходительство, не только в академию, я и в министерство отписал, так что ожидайте уже не ревизора, а самострожайшего уголовного расследования всей этой истории.

И начались с того дня для вчерашнего правоведа страшные времена, продлившиеся полтора месяца, вплоть до самого прибытия столичной комиссии. Как только жив остался – одному Господу известно.

Сначала на него разбойники напали, посреди бела дня, прямо на городской улице. Хотели следователю голову кистенем проломить. Федорин от них бежал, кое-как отмахивался тростью, кричал во все горло «караул!», да полиции поблизости не случилось, ни единого будочника. Хорошо, прохожие заступились, выручили.

Но на том не кончилось. Очень вскоре некая девица, из тех, что, выражаясь языком паспортным, «живут от себя», вдруг подала на скромнейшего Порфирия Петровича жалобу, что он ее будто бы обесчестил посредством насилия, и, главное, немедленно сыскались свидетели.

Обвиненный угодил в губернскую тюрьму и в первую же ночь чуть не был там убит уголовными. Во вторую ночь его уж точно бы извели, но, не дожидаясь темноты, Порфирий Федорин перелез через стену и спрятался. До самого приезда комиссии просидел в погребе у одной сочувствовавшей ему молодой особы, рассказ о которой сейчас к делу не относится (это совсем иная, до чрезвычайности грустная история, Бог с ней совсем – как-нибудь в другой раз).

В конце концов для нашего героя всё разрешилось благополучно. Справедливость полностью восторжествовала. Губернатора и еще с десятков чиновников увезли под конвоем в столицу на суд, а убийца-лекарь перерезал себе горло. Этот Штубе, даром что с тех пор миновало полтора десятка лет, и поныне иногда снится Порфирию Петровичу – таинственно глядел, улыбался, помахивая окровавленной бритвой, а говорить ничего не говорил.

Шумная эта история карьере молодого юриста не поспособствовала, скорее напротив. Быв переведен на новое место, с самыми лестными аттестациями, он обнаружил вокруг себя всеобщую мнительность и опаску, ибо слава поспела туда еще прежде его приезда. Какому же начальству понравится чиновник, который чуть что в столицы пишет и комиссии призывает?

Долгими кропотливыми усилиями, тщанием и усердием Порфирий Петрович одолел первоначальное против себя предубеждение, завоевал и уважение, и приличествующее положение. А после одного прошлогоднего расследования, на которое мы здесь опять-таки отвлекаться не станем, попал на заметку к высшему начальству. Вне очереди пожалованный чином, был призван на ответственную должность, следственным приставом одной из населеннейших частей столицы. Только прибыл, не успел еще, как говорится, крылья расправить – и на тебе: ужасное убийство, да еще из того разряда, который в следовательской среде называют некрасивым словом «тупняк» или «топняк», по-разному выговаривают. При первом звучании имеется в виду тупиковость расследования, при втором – что впору топиться, всё одно истины не дознаешься.

Глава четвертая

Р.Р.Р.

Город, за день набравший полную каменную грудь зноя, теперь выдыхал горячий воздух обратно, так что и ночью облегчения не предвиделось. Надоедливое летнее солнце, совсем ненадолго убравшись на крыши, в самом незамедлительном времени высунулось с другой стороны, однако Порфирий Петрович не заметил рассвета, как перед тем не обратил внимания на наступление сумерек.

Он работал.

Сначала листал прихваченную из комода тетрадку и что-то из нее копировал своим маленьким, истинно бисерным почерком. Потом, это еще засветло, письмоводитель принес списанные в блокнот имена закладчиков и был отправлен в новую рекогносцировку – опрашивать Лизавету обо всех знакомых убитой. Пока Александр Григорьевич отсутствовал, пристав перенес имена на маленькие бумажные квадратики, по человеку на карточку. Получилось немало, четыре с лишком десятка. Когда вернулся Заметов, стопка увеличилась еще на пять имен (знакомцев у покойной Алены Ивановны было мало: четверо деловых да один священник).

Александр Григорьевич уселся в кресло и приготовился наблюдать, как следственный пристав станет разгадывать тайну преступления, но ничего особенно интересного не происходило. Надворный советник, переодевшийся в стоптанные туфли и халат, всё сидел перед столом, шевелил губами да шелестел карточками: то так разложит, то этак.

Посидел Заметов, посидел, не осмеливаясь препятствовать мыслительной работе пристава разговорами, да и уснул. А Порфирий Петрович курил папироску за папироской, ерошил редкие, легкие как пух волосы на темени, тоскливо бормотал: «Вразуми Господи, подсажи. Пожалей болвана безмозглого». Бумажки же так и летали из стопочки в стопочку слева направо, справа налево, будто карты в пасьянсе.

Часу этак примерно в четвертом Александр Григорьевич пробудился оттого, что надворный советник тряс его за плечо.

– Вставайте, батюшка, вставайте-с. Вот вам перо, вот бумага. Пишите-с.

Письмоводитель, зевая, сел за стол.

– Что писать?

Он увидел, что карточки разложены по-новому, иначе чем прежде, а на большом листе изображено подобие таблицы со многими графами, незаполненными.

– Метода готова-с, – объяснил Порфирий Петрович, потирая красные от бессонной ночи веки. – Вот сюда, в левую колоночку, все имена перепишите, в столбик. Далее звание, род занятий, пол, возраст, размер ссуды, заклад, срок возврата, адрес. Важнее всего две последние графы. Вот эта, физическое состояние субъекта – в смысле, мог топором-то или нет. И вот эта: есть или нет alibi на момент преступления. Наша с вами ближайшая работа – все эти клеточки сведениями заполнить. Тогда список усохнет, съжится до нескольких имен, вот увидите-с.

Окончательно проснувшись, Заметов задал вопрос, который не давал ему покоя еще давеча, когда он наблюдал за размышлениями пристава и не решался их прервать.

– Порфирий Петрович, ну а ежели убийца свой заклад унес, чтоб имени нам не оставлять, тогда как?

– Не смею на сие и надеяться. Слишком было бы просто-с. Вот видите-с? – Надворный советник достал из кармана тетрадку, взятую им из комода процентщицы. – Шелудякова сюда все сведения записывала. У нее тут всё честь по чести, с адресами, с именами-отчествами. Я сравнил с вашими обертками. Всего пяти недостает-с. Эти пятеро у меня в стопочке самыми верхними лежат-с. Однако излишне на сей счет не обнадеживаюсь. Проверим их, конечно,

в наипервейшую очередь, однако уверен, что злодей ухватил свертки наугад, прямо сверху, горстью-с. Вы пишите, пишите. Сюда вот имя, отчество, фамилию, – показал пристав еще раз.

Александр Григорьевич обмакнул перо, занес его над бумагой и остановился.

– Не поместится. Мало места оставили. Даже если фамилию с инициалами – все равно не поместится.

Пристав ужасно расстроился собственной оплошности.

– Не сообразил, виноват-с. Ай, досада какая! Битый час таблицу по линейке рисовал, все пальцы перепачкал, а про это не додумал-с!

Попричитав некоторое время таким манером, махнул рукой:

– Знаете что, голубчик мой, вы одними инициалами обозначайте, тремя буквами. Да еще номер каждому проставьте. Ничего, авось не перепутаем-с. Я их всех уж наизусть успел выучить. Ну, пишите, а я пока кофею сварю.

* * *

За кофеем Порфирий Петрович изучал таблицу, помечая некоторые номера карандашиком как наиболее обещающие. Так доскользил он грифелем до 27-ой позиции, (это был студент, тому три дня заложивший копеечные серебряные часы), не заинтересовался и двинулся было дальше, но вдруг дернулся всем телом, подобрался и быстро-быстро захлопал глазами.

– Так-так-так, – скороговоркою пробормотал надворный советник, вскочил, подбежал к коробкам, в которых лежали у него книги и бумаги, еще не переправленные в казенную квартиру, и принялся в них рыться, приговаривая: – Где же-с, где же-с... Ах, нет, неужто... Но позвольте-с, я же доподлинно... – и прочую подобную чепуху.

Заметов смотрел на его странное поведение во все глаза.

– 27-ой – это у нас студент Раскольников, верно? – обернулся с корточек Порфирий Петрович.

Взяв карточку, письмоводитель подтвердил:

– Точно так. Студент Раскольников Родион Романович, проживает в Столярном переулке, в доме Шили. Помню такого, на него квартирная хозяйка жаловалась. Учился в юридическом факультете, но бросил. Не платит и не съезжает. А что он?

– Родион Романович, ну да-с. – Пристав с досадой отпихнул коробку. – Газеты-то переправил... Неужто... Да нет, невозможно-с... Хотя отчего же... В юридическом, говорите?

– Кажется, так. А чем он вас привлек? – Александр Григорьевич с любопытством посмотрел карточку, заглянул и в таблицу, но решительно ничего подозрительного не заметил. – Имеете основания полагать, что это он, старуху-то? Какие?

– Почти никаких-с. Просто фантазия-с, проверить надо, – уклонился от ответа Порфирий Петрович и ни с того ни с сего хлопнул себя по лбу. – А редактор-то!

– Что «редактор»?

Но надворный советник, кажется, и не услышал.

– Ну и Митю, конечно... – опять понес он невнятицу, прищуренно глядя в окно. – И это уж непременно. Митю нынче же. А вы, славный мой, вот что, – обратился он уже не к своим мыслям, а к письмоводителю. – Вы еще прежде, чем первые пять номеров проверите, у которых заклады пропали, выясните-ка всё как возможно подробнее про этого студента. Особенно на предмет местонахождения господина Раскольникова в момент убийства. И ступайте, ступайте.

Он чуть не вытолкал Заметова в прихожую.

– Мне в съезжий дом нужно, неотложно-с.

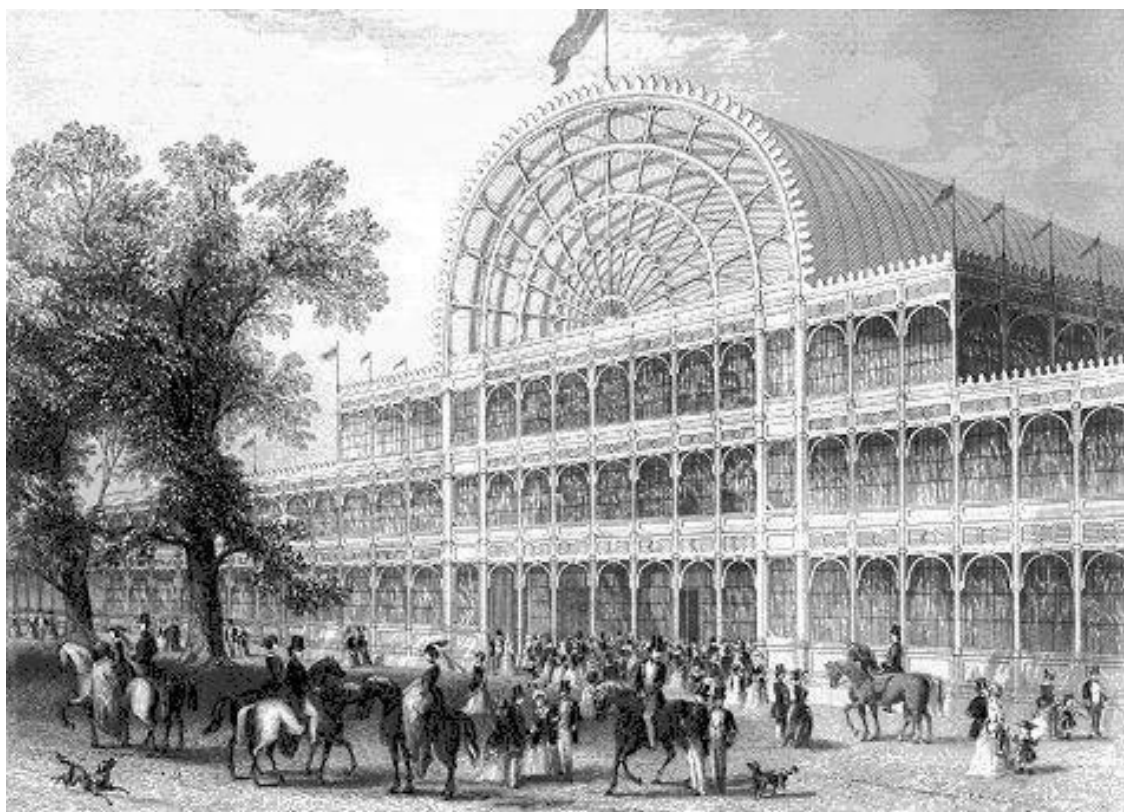
– Пospали бы, хоть часок, – успел крикнуть Александр Григорьевич до того, как его окончательно выпихнули на лестницу, но вместо ответа у него перед носом захлопнулась дверь.

* * *

В продолжение дня пристав и его помощник каждый занимались своим делом, так что в назначенный час (к ужину) оба явились с уловом. Судя по сияющей физиономии письмоводителя, он кое-что раскопал, да и у Порфирия Петровича вид был довольный, словно у полакомившегося мышью кота. Заметов хотел сразу же начать рассказывать, уж и записки свои достал, но надворный советник остановил его:

– Прежде всего подкрепим материю, которая, согласно новейшим европейским учениям, следует прежде духа. Поди, не завтракали, не обедали? – участливо спросил надворный советник. – Я, признаться, тоже-с. Эй, человек! Принеси-ка нам, дружок, графинчик анисовой, щей горшочек и что там у вас, стерлядку привезли? Давай!

Встреча была назначена на Садовой, в трактире «Пале-де-Кристалль», отличавшемся преогромными, от пола до потолка, окнами, отчасти оправдывавшими громкое название. Хрустальный чудо-дворец, возведенный тароватыми англичанами для Всемирной выставки сплошь из стекла и железа, у нас видели разве на картинках, однако до того впечатлились сим провозвестием будущих чудес архитектуры, что стеклянные веяния сказались даже и на трактирах.

Хрустальный дворец в Лондоне

Не успел Александр Григорьевич отломить кусочек хлеба и намазать его маслом, как пристав, противореча собственным словам о материи, нетерпеливо спросил:

– Ну, что те пятеро и Раскольников?

Отложив хлеб, письмоводитель принялся докладывать.

– Меж пятерых, чьи заклады похищены из старухиногo сундука, трое причастны быть не могут. Нумер второй неделя как в больнице с горячкой, и доктора говорят, что встать

с кровати никак не способен. Нумер третий как неисправный должник сидит в яме. Нумер пятый вчера в седьмом часу был на поминках и никуда оттуда не отлучался, что подтверждает большое количество свидетелей.

– Хорошо-с, – наклонил голову Порфирий Петрович. – Далее.

– Остаются двое. Нумер первый, вдова губернского секретаря Акуинья Зоиловна Липучкина июня 14-го дня взяла под залог бус четыре рубля. Где пребывала весь вчерашний вечер, неизвестно. Однако женщина она сухонькая, и вот такого росточка. Чтоб ударить процентщицу, а тем более долговязую Лизавету по макушке, ей бы, наверно, пришлось вскарабкаться на скамеечку...

– Бог с ней совсем, с Липучкиной. – Пристав отмахнулся. – Что номер четвертый?

– Вот про четвертого-то я и хотел. – Александр Григорьевич зашуршал страничками, успев-таки сунуть в рот корочку. – Нумер четвертый – приказчик Николай Дормидонтович Попов, занявший шестнадцать рублей с полтиною сроком на два месяца под залог серебряного турецкого кинжала. – Заметов со значением взглянул на начальника. – Где пребывает, ни соседи, ни родственники не знают. Исчез еще третьего дня, и никто ничего. Я думаю, уж не он ли? На всякий случай я все сведения про него списал. Есть и словесный портрет. Не объявить ли розыск?

– Дайте-ка-с, – попросил Порфирий Петрович протягивая руку за тетрадкой. – Хм. Глаза голубые... Волос кучерявый... Лицом чист... Румянец... Трезвый характер... Угу... Нет, – твердо объявил надворный советник, прочтя до конца. – Не Попов это. Нате вашу тетрадку.

Заметов расстроился:

– Почему вы знаете? Кинжалом вон владеет. И alibi у него нет.

– Да вот у вас написано: «По сведениям соседей, играет на бирже, имеет счет в сберегательной кассе». Стало быть, рачительный человек, аккуратный, копейку бережет. Если такой пойдет на злодеяние, то сделает всё капитально, без добычи не уйдет, трех тысяч в комод не оставит-с. Кинжалец он наверняка сдал в залог, потому что желал собрать побольше средств для биржевой игры. Там же, на бирже, вы его и найдете. Или вы газет не читаете-с? Зря, я каждое утро проглядываю. – Как бы в подтверждение, Порфирий Петрович достал из кармана сложенный газетный листок и положил рядом с тарелкой, куда официант наливал щи. – У нас на бирже бумаги взлетели в цене и продолжают возрастать, уже второй день-с. В связи с Суэцким каналом.^[10] Неужто не слыхали-с? Дельцы у биржи днюют и ночуют, прямо на ступеньках. Там ваш Попов, там. Вы лучше про студента Раскольников.

– Извольте. – Александр Григорьевич с сожалением перелистнул страничку – ему жалко было расставаться с идеей о злодее-приказчике. – Тут неясно. Я говорил с бабой, которая там в служанках. Настасьей звать. Расторопная такая, бойкая... Он, Раскольников этот, всё у асессорши Зарницыной квартирует, в Столярном переулке. Живет, а не платит, давно уже.

– Это вы уже говорили-с, еще давеча, – мягко заметил Порфирий Петрович. – Вы про местопребывание субъекта в интересующие нас часы.

– В том-то и штука, что доподлинно Настасья сказать не может. Вроде как Раскольников у себя в комнате сидит, этак уже с месяц. То ли нездоров, то ли в хандре. Но дверь из его комнаты на черную лестницу выходит. Там очень даже просто выскользнуть и вернуться, так что ни одна душа не заметит.

– Это, пожалуй, хорошо-с. – Пристав задумчиво наморщил лоб. – Даже вполне хорошо-с. Стало быть, у Раскольникова alibi нету-с.

– Никакого.

Заметов поглядел на дымящуюся тарелку и сглотнул слюну. Разлитая по стаканчикам анисовая тоже стояла нетронутой.

– Далее рассказывайте, – велел пристав. – Про субъекта-с.

– Раскольников Родион Романович, от роду двадцати трех лет, вероисповедание православное, сын титулярного советника давно покойного. Прибыл из Рязанской губернии, где проживают его мать и младшая сестра. Натура нервная, или, как выразилась Настасья, «шибко дерганый». Стало быть, мог в аффектированном состоянии убить, тут же поступка своего напугаться и сбежать. – Заметов сделал маленькую паузу, чтобы надворный советник вполне оценил и термин «аффектированное состояние» и психологичность вывода. – В столице Раскольников без малого три года учился на юридическом факультете, и, кажется, старательно. Однако за невнесением платы отчислен. Беден он очень. Настасья говорит, иногда мать ему пришлет, но что она может, вдова-то? Раньше уроки давал – бросил. В общем, положение у него такое, что либо в омут головой, либо с топором на улицу, – красиво, на логическом тезисе окончил свой отчет Александр Григорьевич и с полным правом вознаграждал себя стопкой, да и щей хлебнул ложку-другую-третью. – А у вас что, Порфирий Петрович?

– Почти ничего-с, – с загадочным видом, противоречившим этим словам, отвечивший надворный советник и тоже поднес ко рту ложку, однако, подержав на весу, опустил обратно в тарелку. – Думал-с Кое с кем словечком перемолвился. И пришло мне в голову-с, что мы с вами, любезный Александр Григорьевич, очень может быть, давеча предположили неверно-с. Это я в рассуждении нервности убийцы. Отнюдь не с перепугу он взял сущие пустяки, а прочим, и даже содержимым комода пренебрег.

– Отчего же тогда если не с перепугу?

– Побрезговал-с, – коротко и как-то сухо отвечивший Порфирий Петрович. – Взял, сколько ему было надобно, и тем удовольствовался.

– Виноват-с, – от удивления сословноерсничал Заметов, вообще-то почитавший прибавление «с» на конце признаком отсталости. – Это я недопонял.

– А я вам, дружок вы мой, статейку одну почитаю-с. Из «Периодической речи», месяца два как напечатана. Подписана инициальчиками, то есть все равно что анонимная-с. Вот послушайте-с.

Пристав взял в руки газетную страницу, несколько минут до того вынутую им из кармана, нагнулся поближе к Александру Григорьевичу, чтобы не деранжировать другим посетителям, и стал с выражением читать.

Еще раз о быке и Юпитере

Известно ли почтенной публике, что выдающиеся люди, открывшие новые законы природы или общества, выдумавшие новую теорию либо построившие великую державу, все без исключения были преступники? «Преступники» в коренном, изначальном значении этого слова, ибо преступили правила и понятия, бытовавшие прежде. Коперник и Галилей, Наполеон и Петр Первый приводили в ужас и негодование своих современников, тех самых *обыкновенных людей*, какие во все времена составляют абсолютное большинство народонаселения. Да что Коперник, разве не был по понятиям иудейских законоустановлений величайшим преступником Иисус Христос, покусившийся разом и на государственность, и на самое религию? За то и был казнен – отнюдь не злодеями, а *обыкновенными людьми*, желавшими единственно охранить от ниспровергателя свое общество.

Итак, позволю себе из сего краткого вступления извлечь кое-какие выводы, числом три.

Первый: человечество делится на *людей обыкновенных*, которых многие миллионы, и *людей необыкновенных*, которых в каждый момент времени на свете проживают единицы, много – десятки.

Второй: своим движением по пути к земному раю, каковой лучшие наши умы почитают за конечную цель эволюции, человечество обязано прежде всего *людям необыкновенным*, ибо именно они толкают, а то и за шиворот тащат нашу цивилизацию вперед.

Наконец, вывод третий: *людям необыкновенным закон не писан*.

Тут, впрочем, понадобятся некоторые разъяснения...»

– Конечно, понадобятся! – не выдержал Александр Григорьевич. – Эка завернул! Уж и Христос у него преступник!

– Не беспокойтесь, далее автор всё сие подробнее-с и даже не без остроумия разъясняет, – уверил надворный советник своего помощника, откладывая газету. – Вслух читать больно длинно выйдет-с, так что уж я коротенько, собственными словами-с. По статье выходит, что низший разряд человечества, *люди обыкновенные* – не более, чем материал, служащий для зарождения себе подобных – в расчете на то, что некогда, через сто или тысячу лет, от их семени может произойти человек необыкновенный, один из тех, кто имеет дар или талант сказать в среде своей новое слово. А право и даже долг человека *необыкновенного* устранять любое препятствие, оказавшееся на пути его великого предназначения. И Наполеону, расстрелявшему из пушек парижскую толпу, винить свою совесть совершенно не за что, ибо он погубил несколько сотен французов ради процветания миллионов. А ежели, к примеру, Ньютону для проведения опытов потребовались бы десять шиллингов, которые он никак не мог бы добыть законным путем, то он был бы в совершенном праве ограбить или даже убить какого-нибудь купчишку из числа *обыкновенных*. Что нам, потомкам, за дело до английского купчишки, который все одно давно подох бы, не принеся человечеству решительно никакой пользы? Законам же Ньютона мы обязаны чуть не всеми благами цивилизации.

– Так это про цель, которая оправдывает средства, что ли? – наморщил нос Александр Григорьевич. – Старб, старб.

– Про цель и средства старб не бывает-с. – Пристав вздохнул. – Особенно если с такою страстью написано. Тут у автора не отвлеченное умствование, тут наболевшее-с. Это он себя Ньютоном-то воображает, у кого десяти шиллингов нет.

– А Раскольников тут при чем?

– При том, что он самый, Родион Романович наш, это самое сочинение и сотворил-с, – преспокойно объявил надворный советник и теперь уже скушал подряд ложки три щей, успевших подостыть.

– Откуда вы знаете? Сами же говорили – статья подписана инициалами.

– Занятыми-с, – улыбнулся Порфирий Петрович, – они мне еще тогда в память запали. Ишь, подумал, не подпиш, а прямо рычание, да и только-с: «Р. Р. Р.». И когда я вашу таблицу стал просматривать, тут же и вспомнилось. Тотчас кольнуло-с: помилуйте, не он ли-с, не таинственный ли автор. – Пристав со зверскою гримасой прорычал. – Р-р-р!

– Родион Романович Раскольников! – ахнул письмоводитель.

– Во-вторых, я же справочки навел-с. – Порфирий Петрович отодвинул тарелку, посетовал. – Холодные щи-то, а тридцать копеек стоят... Так вот, про справочки. У меня в «Периодической речи» редактор знакомый, он про автора и рассказал, про Раскольникова. Я, должно вам сказать, статейку эту тогда еще, два месяца назад, приметил, на будущее-с. Как новейшее дуновение современной мысли. От таких ветров, знаете, искорками посверкивает. Попадут искорки на сухое, так и полыхнет-с. Злодейство вот это нынешнее, чем удивительно-с? Исполнено прехладнокровно, ни следов, ни свидетелей. (Лизавета не в счет, я теперь склонен полагать, что преступник ее нарочно не до смерти стукнул – знал, что она лица его не видала). Каза-

лось бы, убил процентщицу, от случайной свидетельницы обезопасился, так забирай добычу, отнюдь не малую-с. Но нет, убийца наш именно что десять шиллингов взял, а прочее не тронул-с. Не-ет, милый вы мой, тут не просто так убил да ограбил. Не по обычной злобе или того паче низменной корысти сотворено. Тут идея-с. Навроде вот этой.

Надворный советник похлопал ладонью по газетному листу.

– Так, стало быть, Раскольников? – шепнул Александр Григорьевич, наклонившись. – Арестовывать будете?

– Арестовывать не с чего-с. Улик-то – сами знаете. – Здесь надворный советник издал губами тпрукающий звук, не самого пристойного свойства, так что от соседнего столика даже обернулись. – Покумекать нужно.

Он прищурился на графин анисовой, однако «покумекать» Порфирию Петровичу было не суждено.

В дверях заведения показался краснолицый, шумно дышащий полицейский унтер-офицер. Обвел взглядом залу и, увидев, наших собеседников, подбежал напрямик к столу.

Пристав первым заметил служивого. Удивиться не удивился, ибо давал знать и в съезде доме, и в полицейской конторе, где его можно сыскать в любой час дня, но нахмурил лоб и приподнялся.

– Ваше высокоблагородие! Так что осмелюсь доложить... – гаркнул полицейский, вытягиваясь.

Заметов, сидевший к дверям спиной, чуть не подпрыгнул, да и с соседних мест заоборачивались.

– Тише ты! – цыкнул на унтера Порфирий Петрович и за шею пригнул его к себе. – Что еще стряслось? Шепотом, шепотом!

Полицейский перешел на сип и нашептал такое, что пристав осел обратно на стул, а у Александра Григорьевича из руки со звоном выпала ложка.

3. Фата-Моргана

– А дальше?! – воскликнул Ника, дочитав последнюю страницу, и поднял глаза на сидевшего напротив Рулета.

Как молодой человек вернулся, Фандорин не заметил.

– Чего дальше? – благодушно спросил тот.

Валя оказалась права, наведавшись в туалет, посетитель снова воспрял духом.

– Где остальные страницы?

– А чё, должны быть еще?

Судя по тому, как Рулет удивился, в рукопись он носа не совал. Откуда, интересно, она у него?

– Откуда, интересно, она у вас?

Парень ухмыльнулся:

– Нашел.

Не хочет говорить. Что ж, его право.

– Понимаете, – стал объяснять Ника, волнуясь, – необходимо показать этот манускрипт специалисту. Я не могу утверждать наверняка, но очень возможно, что это написано рукой самого Достоевского! Похоже на наброски к «Преступлению и наказанию». К роману «Преступление и наказание», – добавил он, когда на лице собеседника не отразилось ни малейших эмоций. – И, может быть, то есть, конечно, маловероятно, но не исключено, что этот черновой вариант не известен филологической науке, представляете? Это была бы настоящая сенсация. Если бы вы оставили рукопись у меня, я мог бы организовать экспертизу.

Юноша лукаво подмигнул:

– Рулета кинуть хочешь? Даже не пытайся. Валяй, экспертизуй... – Он подумал и поправился, – экспертируй. Но бумажки останутся у меня.

– Да какая *может* быть экспертиза без рукописи?

– Одну страничку дам. – Рулет сделал щедрый жест. – Бери любую.

Полистав, Ника выбрал самую неряшливую, с исправлениями и двумя рисунками: глумливая рожица (Порфирий, что ли?) и островерхое окно с ажурным переплетом.

– Какой откат? – спросил хозяин манускрипта все с той же хитрой улыбочкой. – Больше десяти процентов не дам.

– Вы про комиссионные? – Николас с достоинством пожал плечами. – Мне не нужно, я зарабатываю деньги иным образом. К тому же, если это то, что я думаю, будет очень много шума, газетных статей, телерепортажей. Надеюсь, вы не будете возражать, если пресса узнает, что идентифицировать находку вам помогла фирма «Страна советов»?

Рулет великодушно разрешил:

– Пиарься, не жалко.

– Спасибо. Наверное, мне понадобится несколько дней. Как мне с вами связаться?

Оставьте телефон. И потом, как вас все-таки зовут?

Молодой человек задумался.

– Пока зови Рулетом, а там видно будет... Насчет телефона не танцует. Мобильник я давно того... А у мымыры отключили. Ну, у хозяйки. Не платит, алкашка старая. Я тебе адрес свой оставлю. Записывай.

Продиктовал номер дома и квартиры в Саввинском переулке. Сделал ручкой и, насвистывая, ушел. Мимо Вали протиснулся с опаской, но зла на нее, кажется, не держал. Во всяком случае попрощался вежливо:

– Гуд бай, чемпионка.

– Адье, товарищ народный комиссар, – бросила в ответ секретарша.

Едва посетитель ушел, Ника сел на телефон – добывать эксперта по рукописям Достоевского. С литературоведением и писательскими автографами он никогда в жизни дела не имел, но это магистра нисколько не смутило. Москва – город специфический. Пришлomu, а в особенности иностранному человеку здесь неуютно, чувствует он себя, как в дремучем лесу. Дорогу найти, и то непросто – немногочисленные указатели и вывески почти сплошь на туземном наречии. А если уж чужаку понадобится нечто нетривиальное, чего в «Желтых страницах» не печатают, совсем беда. Потыркается-потыркается бедолага, поблеет своим корявым русским языком в равнодушную телефонную трубку, да и останется с носом. Так ему и надо. Не для него, басурмана, город построен.

Зато если ты здесь свой и все тропки, норы и берлоги знаешь, то лучше места на земле не сыскать. Добрые товарищи, лесные жители, и научат, и отведут, и из беды выручат. Косой заяц подскажет, где грибы-ягоды, лисичка-сестричка поможет договориться с лесником, серый волк доставит, куда надо, а косолапый медведь обеспечит «крышу».

Миновали времена, когда глупый англичанин Николас Фэндорайн бродил по здешним чащам ежиком в тумане. Десять лет московской жизни и ремесло профессионального советчика, сователя носа в чужие дела, научили уму-разуму. В какие только овраги жизнь не покидала, с кем только не познакомилась. Ключевая поговорка москвича: не имей сто рублей (всё равно не деньги), а имей сто друзей.

Всего через три звонка, пройдя по недлинной цепочке: знакомый, знакомый знакомого и знакомый знакомого знакомого, Ника вышел на нужного человека.

Телефонный собеседник номер три, один из ведущих специалистов по Достоевскому, сообщил следующее:

– Поддельных автографов полным-полно, это целый подпольный рынок, так что особенно не обольщайтесь. Вы говорите, там процентщицу убили, а Лизавета осталась жива? Такой редакции «Преступления» филологическая наука не знает. Какая-нибудь глупая мистификация. – По тону достоевсковеда было слышно, что он давно привык к пылу несведущих дилетантов и сообщением нисколько не заинтересовался. – Но, если хотите получить грамотное заключение быстро, советую обратиться не к нам в институт, где вас промурыжат полгода, а к Моргуновой.

И рассказал про некую пожилую даму, Элеонору Ивановну Моргунову, которая всю жизнь занимается именно этим – экспертизой писательских рукописей девятнадцатого столетия, и прежде всего именно Достоевским. Моргунова в своем деле ас. Много лет прослужила в ЦЛИ, Центральном литературном архиве, но несколько лет назад была с позором уволена – попала на краже чеховских писем. Уголовное дело возбуждать не стали, чтоб не пятнать репутацию почтенного научного учреждения. Да и пожалели старуху – решили, что свихнулась от преклонных лет и маленькой зарплат. «Впрочем, она всегда до денег жадна была, – присовокупил достоевсковед. – Не помню случая, чтобы Моргунова согласилась выполнить какую-нибудь работу внепланово, по-товарищески. Всегда требовала премию или сверхурочные. Так что если вы ей хорошо заплатите, сделает заключение в два счета. У нее дома, говорят, целая

лаборатория – и приборы, и необходимые реактивы. Тоже, поди, с рабочего места натаскала, за столько-то лет. Ну да Бог ей судья».

Четвертый звонок был завершающий – самой Элеоноре Ивановне. После скептических слов филолога Ника поостыл и с асом литэкспертизы говорил несколько извиняющимся тоном:

– ...Видите ли, ко мне в руки попала одна рукопись, – приступил он к делу после необходимой преамбулы – упоминания о рекомендателе и гонораре, – то есть, я, конечно, понимаю, что шансов почти нет, но, судя по содержанию, это похоже на авторский набросок к роману «Преступление и наказание»...

Тут экспертиша его перебила, хищно хохотнув, и произнесла нечто загадочное:

– Снова-здорово!

– В каком смысле? – растерялся Фандорин.

– В каком надо, – отрезала Элеонора Ивановна, надо сказать, особенной политесностью не отличавшаяся. – Ладно. Привозите, посмотрим. Триста долларов.

– Так много? Но Константин Леонидович говорил, что это обойдется в сотню...

Жадная старуха не стала и слушать:

– Вот пускай он вам экспертизу и делает.

Столько денег у Ники не было. Он уже начинал жалеть, что ввязался в эту историю, кажется, нелепую и бесперспективную.

– Я вам сегодня оставляю аванс, хорошо? Сто долларов, – сказал он, подумав, что владелец рукописи вполне мог бы поучаствовать в расходах – в конце концов, это же его собственность.

– Только учтите, – злобно предупредила Моргунова. – Пока не рассчитаетесь полностью, рукопись назад не отдам. Платить будете рублями, по курсу Центробанка, плюс три процента за конвертацию.

* * *

В тот же вечер, забрав дочку Гелю из театрального кружка, наскоро накормив ее и даже успев отправить по электронной почте письмо сыну Ластик, который уехал с классом в Петербург, Ника отправился по указанному адресу.

Дорога была недалняя, но долгая. Если пешком да по прямой – минут двадцать. Если же на машине, да в седьмом часу вечера, да по запруженной Кремлевской набережной, то все сорок.

Когда Николас был помоложе и поангличанистей, он замечательно передвигался по Москве на роликах, и пробки были ему нипочем. В ту пору путешествие с Солянки на Тверскую вообще заняло бы минут десять. Но приспособившись к условиям окружающей среды, Фандорин от прежних привычек отказался. Британию почитают за хрестоматийный образец консервативности, но российское общество подвержено условностям в гораздо большей степени. Мужчина сорока пяти лет, отец семейства, здесь должен вести себя степенно, или, как говорят на современном телеэ debate, «серьезно себя позиционировать» – если, конечно, хочешь, чтобы и окружающие воспринимали тебя серьезно. Ничего не поделаешь, Россия – страна тяжеловесная. Просто поразительно, как быстро, бесповоротно, а главное охотно отяжелел и посерьезнел бывший баронет. Обрусел на все сто. Британское происхождение Николая Александровича на десятом году московской жизни выдавала лишь некоторая чопорность манер, которую одни клиенты принимали за рафинированную интеллигентность, а другие за *крутые понты*. Ну и еще, конечно, машина, праворульный «ти-экс II». Взбалмошная тетя Синтия, опасаясь, что племянник окончательно оторвется от корней, прислала подарок: черное лондонское такси, английский патристический аналог русской березки. Спасибо, что не двухэтажный автобус.

Метрокэб Н.А. Фандорина

Восседа за рулем этого экзотичного для Москвы транспортного средства, Николас частенько ловил на себе уважительные взгляды соседей по трафику – метрокэб своим горбатым силуэтом походил на «роллс-ройс».

Ползя в пробке по Лубянскому проезду, Фандорин сыграл в любимую игру современного водителя: ткнул наугад в кнопку поиска на приемнике. Ну-ка, что за рыбка вынырнет из радиоволн? FM-диапазон пошуршал, побулькал, пару раз бормотнул что-то неразборчивое и вдруг отчетливо произнес вкусным, вкрадчивым голосом:

– Глупый маленький воробышек даже не догадывался, что за кустом притаилась большущая, голодная кошка...

Детская передача. К чему бы это?

Ника улыбнулся, переключил на девятую кнопку, на которой у него было «Культрадио» – классическая музыка, поэзия, новости культуры.

Но интеллигентный канал поступил с магистром жестоко – обдал ледяными брызгами грибоедовского вальса.

ПБОЮЛ Фандорин насупился и радио выключил.

* * *

Элеонора Ивановна Моргунова жила в массивном сталинском доме замысловатой конфигурации, который со стороны Тверской смотрелся весьма импозантно и даже величественно, но со двора выглядел трущоба трущобой: маленькие слепые подъезды, ободранные стены, уродливые гаражи-ракушки. С трудом найдя место для парковки (между двумя помойными баками), Ника покинул свой ложный «роллс-ройс» и отправился на поиски нужной квартиры.

Домофон не работал, на лестнице пахло плесенью и картофельными очистками. Если бы не железная решетка лифта, прямо дом Раскольниковова, да и только, подумалось Николасу.

Квартира 39 долго не отзывалась на звонок. Наконец раздалось шарканье, глазок замигал желтым кошачьим светом, потом потемнел.

Разглядывает, догадался Фандорин и громко сказал:

– Это Николай Александрович. Я вам звонил. Здравствуйте.

Лязгнуло, створка распахнулась.

В дверях стояла грузная, неряшливая старуха, почему-то в темных очках, хотя прихожая была освещена очень тускло.

– Ботинки снимайте.

Моргунова развернулась, и, переваливаясь, пошла по длинному коридору. Ее седой затылок со старомодным пучком и гребнем приходился верзиле Фандорину не выше верхней пуговицы пиджака.

Коридорчик был впечатляющий. Похоже, в этом доме никогда ничего не выбрасывали. Невзирая на тусклое освещение, Ника сумел разглядеть подвешенный к стене велосипед (модель «Украина», 50-е годы, предмет вожеления охотников за винтажем); на персональном гвозде – шляпку с пластмассовыми вишнями; большое треснувшее зеркало и допотопный телефон, на круглом циферблате которого кроме цифр имелись еще и буквы. В углу на круглой тумбочке чернел полуметровый каслинский Мефистофель, чугунный уродец самой первой, еще дореволюционной волны индустриального китча.

Каслинский Мефистофель

В комнате, куда хозяйка провела посетителя, было еще чудней. Тоже темно (горела одна-единственная лампочка под шелковым оранжевым абажуром) и тесно-тесно заставлено мебелью, не повернешься. Правда, чисто, нигде ни пылинки. Старушка никогда не бывала замужем, определил Ника. Давно живет одна. Себя со стороны не видит, поэтому вон дырка на локте и засохший желток на подбородке, однако следит, чтобы вокруг всё сияло. Не выносит грязи. Потому что грязь – проявление хаоса и жизни, а тут абсолютная территория смерти. Замок злой феи.

Фата-Моргана, как он немедленно окрестил про себя толстую старуху (отлично легло на «fat Morgunova»), повела себя совершенно по-ведьмински: задрав голову, с минуту разглядывала двухметрового гостя, и за все это время не произнесла ни слова, только пожевывала губами. Глаз за темными стеклами Ника не видел. Может, их там и вовсе нет, думал он, терпеливо пережидая осмотр. Сейчас сдернет очки, а за ними две дыры, в которых клубится туман, и весь ее колдовской замок растает, а я превращусь в летучую мышь или крысу.

– Паспорт есть? – сказала наконец Моргунова. – Я должна быть уверена, что вы тот, за кого себя выдаете. Не желаю оказаться втянутой в противоправную деятельность.

– Паспорта нет, есть водительские права.

– Давайте.

Ведьма взяла документ, отдернула какую-то плюшевую занавесочку, и за ней открылся закуток, оснащенный по последнему слову офисной техники. Большой ксерокс, факс, даже компьютер со сканером.

– Я гарантирую своим клиентам полную конфиденциальность, но и к себе требую полного доверия, – сообщила Элеонора Ивановна, делая ксерокопию фандоринских прав. – Вот, забирайте. Теперь аванс. Угу. Минутку.

У нее там имелась и машинка для просветки купюр. Ай да фея.

– Хорошо. Теперь давайте рукопись. Можете сесть вон туда, в кресло, книги только на стол переложите... Как, всего одна страница? – удивилась она, беря листок.

Включила настольную лампу, сторбилась, наставила лупу – однако темных очков так и не сняла.

Пауза затягивалась. Ника нервно ерзал в жестком кресле, ждал приговора. В общем-то почти не сомневался, что сто долларов и вечер потрачены зря.

– Хм, почерк похож. Рисунки тоже вполне в духе Федора Михайловича, – возвестила Элеонора Ивановна и погладила страницу. – Текст незнакомый. В черновых вариантах «Преступления» такого фрагмента нет. Возможно, это в самом деле какой-то неизвестный набросок. В одном из висбаденских писем Федора Михайловича есть некое не вполне ясное упоминание... М-да. – Она не договорила, задумчиво покачивая лупой. – Если лист подлинный, это будет событие. Оставляйте. Проверю бумагу, чернила, сделаю подробный графологический анализ. – Моргунова поднесла страницу к самой лампе, посмотрела через лупу. – Очень хорошо! Здесь виден отчетливый отпечаток пальца. Вот, в углу. Палец был запачкан чернилами, это часто случалось. Когда перелистывали – оставался след. Фрагментарная дактилограмма Федора Михайловича у меня есть, по трем пальцам правой руки и боковой поверхности левой ладони. Двадцать лет назад составила, когда писала диссертацию «Помарки и кляксы в рукописях Ф.М.Достоевского». Ну поглядим, поглядим. Заходите завтра. Нет, лучше послезавтра, часа в три. И не забудьте про двести долларов.

Николас уходил окрыленный и даже оглушенный. В коридоре долго благодарил, даже попробовал поцеловать старой даме руку.

Руку поцеловать она не дала, а, едва за дылдой закрылась дверь, зашлась придушенным, злобным хохотом. Если б Фандорин видел, как экспертша потирает руки, как давится кашлем от хищной радости, он окончательно уверился бы в ведьминской сущности Элеоноры Ивановны.

Отсмеявшись и откашляв, Фата-Моргана подошла к своему антикварному телефону, вынула из-под аппарата визитную карточку и набрала номер.^[11]

– Это Моргунова, – сказала она в трубку не здороваясь (не имела такой привычки). – Еще один объявился. Комедия! Вот вы торгуетесь, а время уходит.

– Назовите более реалистичную цену, – произнес на том конце спокойный голос.

Элеонора Ивановна сердито топнула ногой.

– Уж мне-то про цену не рассказывайте! Я профессионал! Цена остается та же, плюс двести сверху, потому что теперь вам понадобится еще один.

– Вы от жадности утратили всякую адекватность, – ответила на это трубка. – Двадцать за всё про всё, и ни цента больше.

– Нашел дурочку! – Старуха засопела. – Смотрите, пожалеете. Вот он придет послезавтра, этот человек, и я ему все скажу. То есть, не всё, конечно. – Она хихикнула. – Кое-что. Ну как, не передумаете?

– Нет. И не звоните мне больше, старая ведьма.

Конец разговора, частые гудки.

* * *

В последующие двое суток – ночь, день, ночь да еще полдня – с Николасом Фандориным ничего особенного не произошло, так что можно на время его оставить. Зато с Рулетом приключилось нечто совершенно невероятное. То есть, наверное, все-таки не приключилось, а *приглючилось*. Хотя... Ну, в общем, дело было так.

Про Рулета и его прик(г)лючение

Во вторую ночь это случилось, после полуночи. Сидел Рулет на подоконнике, смотрел на звезды. Всего час как вмазался, так что было ему хорошо – и заблудившейся душе, и бедному отравленному телу.

Звезды были яркие, конкретные, плюс аппетитная луна, до которой хотелось дотянуться рукой, но Рулет понимал, что это подстава. Потянешься и навернешься с третьего этажа, реально.

Внизу прошелестели шины. Это во двор въехала «скорая помощь». Особенная такая, как ее... Реанимобиль, вот как. Фонарь на крыше медленно вращался, и это тоже было красиво. Рулет немножко посмотрел, как голубые лучи подсвечивают мрак, и снова задрал голову к небу.

Потом, через какое-то время слышит снизу: чмок-чмок.

Опустил голову, удивился.

По стене, вдоль водопроводной трубы, но при этом ее не касаясь, полз Спайдермен, Человек-Паук^[12]. Неторопливо полз, основательно. Присосется верхней рукой-щупальцей – отрывает от стены ногу. Присосется ногой – переставляет руку. Чмок-чмок, чмок-чмок. Башка большая, абсолютно круглая, глазищи – словно капли.

– Кул, – сказал Рулет, не испугавшись, а скорее обрадовавшись – очень уж прикольный был глюк.

Вот вчера, когда на хороший «хлеб» бабла не хватило и пришлось зарядиться какой-то отстойной дрянью, был полный караул. Утром Рулет подполз к умывальнику, рожу сполоснуть, а умывальник вдруг возьми да оживи. Краник холодной воды оказался липкий, словно клеем намазанный – пальцы приросли намертво. Хромированная трубка вытянулась навряд змеи и обмоталась вокруг второй руки. Как стиснет запястье! Рулет заорал от страха и боли, задержался, но умывальник держал его крепко. Заглянул в зеркало, а там страшная рожа мертвяка: белая, костлявая, глаза будто две ямы, и под ними жуткие лиловые круги.

Тут он реально застремался. Зажмурился, головой затряс. Смотрит – мертвяк пропал, в зеркале его, Рулетово лицо, каким оно было давным-давно, на школьной фотке. Гладкое такое, ясное. Не успел обрадоваться, как на лице начали проваливаться дырки – одна, другая, пятая, десятая. Сделался Рулет, как кусок швейцарского сыра – кошмар. И послышался голос, то ли из зеркала, то ли из слива: «Не отпущу. Ты мой, мой до дыр...»

Вот это была конкретная страшила. А Спайдермен – подумаешь, даже интересно.

Как в старые времена, когда циклодомом баловался. От него бывали классные зоомультики. И про паука тоже. Как-то сидел Рулет в кресле, накушавшись цики, пялился в потолок, а там паучок в паутине, и с каждой секундой его видно всё отчетливей. Потом – бац: не паучок это, а фашистский летчик, и не паутина у него, а самолетный прицел. Как начал сажать по Рулету трассирующими очередями, прошил всего огненными пулями – кайф.

Короче, Человеку-Пауку Рулет был рад. Высунулся из окна, протянул руку, помог перелезть через подоконник.

Костюмчик у Спайдермена был суперский, совсем как в кино. Красный, весь прошитый черными нитями, а глаза выпуклые, блестящие, и где-то в их глубине искорки поблескивают.

– Здорово, я к тебе, – сказал гость.

Поручкались, причем лапа человека-насекомого прилипла к Рулетовой ладони, но это было не страшно и не противно, совсем не как с Мойдодыром. Даже смешно.

– Ой, прилип. Сорри, – извинился Спайдермен и, чем-то там чмокнув, отлепился. – Рулет, просьба к тебе есть, ерундовская. А я тебя за это научу по стенам лазить и в паутине висеть. Знаешь, как кайфово? Качаешься – чисто в гамаке. Сделаешь?

– Сделаю, – пообещал Рулет. – А чего надо-то?

Паук сказал. Оказалось, в самом деле ерунда. Рулету сейчас ничего было не жалко, особенно для такого гостя.

Тот вежливо поблагодарил и говорит:

– Оставил бы я тебя кайф досасывать, но ведь отмокнешь скоро. Начнешь закидываться, орать, что обокрали. Начнешь ведь?

– Начну, – признал Рулет, не желая ни в чем перечить новому другу. – Можно я тебя по башке поглажу?

Очень уж у Спайдермена круглая башка была.

– После. А сейчас со мной пойдешь. Лады?

Ну, Рулет и пошел. Фигли было не пойти?

Человек-Паук

* * *

В назначенный день, ровно в три часа, Фандорин явился на Тверскую. Волновался, конечно. Что из всего этого выйдет – культурное событие мирового значения или пшик?

Но с первой же минуты, едва увидел Элеонору Ивановну, понял: не пшик.

Фату-Моргану сегодня будто подменили. Она сразу открыла дверь, сказала «а-а, ну-ну» и даже улыбнулась – правда, какой-то двусмысленной и даже несколько зловещей улыбкой. Может, по-иному просто не умела?

На нетерпеливые расспросы сказала:

– Сейчас, сейчас. Сначала деньги. С вас 5803 рубля 14 копеек... Нет, сдачи нет, я же не кассир.

Пересчитала пятисотенные купюры, проверила на детекторе ультрафиолетом. Кивнула.

Дальше и вовсе произошло чудо. Предложила чаю и налила в стаканы какой-то бледной жидкости, пить которую Ника не решился. Не притронулся он и к курабье, тем более что в вазочке лежало всего три печеньица.

– Так что? – взмолился он. – Достоевский это или нет?

Элеонора Ивановна опять улыбнулась. Определенно, ее непривлекательное лицо от улыбки делалось еще менее приятным. Такое нечасто увидишь.

– Не будем забегать вперед. По порядку.

Она взяла распечатку, поправила свои темные очки и начала тоном музейной экскурсоводши:

– Бумага изготовлена на франкфуртской бумагопрядильной фабрике «Обермюллер». Это довольно популярная марка, широко использовавшаяся в Европе начиная с сороковых и до начала семидесятых годов 19 века. Не из дешевых – известно, что Федор Михайлович любил хорошую бумагу. Перо стальное, манчестерского производства. Именно такими перьями Федор Михайлович пользовался в шестидесятые годы. Химико-структурный анализ чернил подтверждает их аутентичность. Марка не определяется, но степень выцветания, при условии хранения в темном месте, соответствует нужным временным параметрам. Наконец почерк и, что тоже очень существенно, маргиналии – в нашем случае это рисунки на полях... – Торжественная пауза, повышение голоса. – Вне всякого сомнения это рука Федора Михайловича.

– Ура! – Николас ликующе махнул кулаком в воздухе. – Я чувствовал!

Эксперт подняла ладонь: тише, я еще не закончила.

– Ему же принадлежит и след запачканного чернилами пальца. Это большой палец правой руки. Оптоэлектронный преобразователь с достаточной степенью точности определил папиллярный узор, который полностью совпадает с другим отпечатком, в свое время обнаруженным мною на 18 странице рукописи «Неточки Незвановой». Дерматоглифическое исследование обнаруживает выраженную расплывчатость папилляров, характерную для эпилептиков, а как мы с вами знаем, Федор Михайлович был подвержен этой болезни. Кроме того, берусь утверждать, что дактилограмма принадлежит мужчине среднего возраста, вероятнее всего, в диапазоне от сорока до пятидесяти лет. Что соответствует времени работы над «Преступлением и наказанием», когда Федору Михайловичу было сорок четыре года.

– Неужели по отпечатку пальца можно столько всего определить? – поразился Ника.

– Если оттиск хороший – да. Перехожу к гипотетической части. – Элеонора Ивановна перелистнула страницу. – Текстологический анализ исследованного фрагмента, филологической науке совершенно неизвестного, позволяет с большой степенью уверенности предположить, что перед нами часть рукописи, представляющей собой сюжетно оформленный вариант художественного произведения, которое дошло до нас в виде романа «Преступление и наказание». – Вознаградив себя за длинное предложение глотком чая, Моргунова продолжила. – Известно, что в начале июня 1865 года, отправляясь за границу, Федор Михайлович предложил издателю «Санкт-Петербургских ведомостей» Коршу и издателю «Отечественных записок» Краевскому некий роман, который обещал закончить к октябрю. Предложение не было принято ни Коршем, ни Краевским, и до сих пор считалось, что замысел остался неосуществленным. Возможно, какая-то часть работы все же была выполнена, а впоследствии Федор Михайлович использовал материалы из недоконченного романа для «Преступления и наказания». Это версия первая. Можно предложить и иную версию, связанную со Стелловским, нечистоплотным издателем, который тогда же, в июне 1865 года, подписал с Федором Михайловичем «условие», то есть контракт.

– Да, я помню эту историю, – решил блеснуть начитанностью Николас. – За небольшой аванс Достоевский обязался написать к определенному сроку роман, а если не напишет, все права на его сочинения надолго переходили к Стелловскому. Благодаря юной стенографистке Анне Сниткиной писатель сумел-таки поспеть к сроку. Но ведь, насколько я помню, то был роман «Игрок», а вовсе не «Преступление и наказание».

– Вы плохо знаете биографию Федора Михайловича, – укорила магистра истории Моргунова. – Стыдно. При чем здесь «Игрок»? Это будет лишь осенью 1866 года, а мы говорим

про лето 65-го. Федор Михайлович живет в Висбадене, много играет на рулетке, не может расплатиться по счетам в гостинице. Он совсем один, в ужасном положении, и всё пишет, пишет. До нас дошли записи двух первоначальных редакций «Преступления». Первая написана от лица убийцы, в форме его «исповеди». Сюжетная рамка второй редакции – судебный процесс над убийцей. Мог быть и еще какой-то не дошедший до нас вариант. Ничего фантастического в этом предположении нет. В одном из писем барона Врангеля, близкого друга писателя, есть невнятное упоминание о том, что в августе-сентябре Федор Михайлович пробовал что-то написать для издателя Стелловского. В свою очередь, в письме Врангелю писатель сообщает, – Элеонора Ивановна провела пальцем по строчкам. – «Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро. Он выйдет эффектен, но того ли мне надобно!» А вот из другого письма, тому же адресату: «В настоящее время я начал одну работу, за которую могу взять деньги только осенью. Успешно и как можно скорее окончить эту работу необходимо, чтобы начать, получив деньги, уплату долгов». И еще одна жалоба, на то же самое: «О, друг мой! Вы не поверите, какая мука писать на заказ... Но что мне делать: у меня 15000 долгу». – Старуха отложила страницу. – Идем далее. Сам Федор Михайлович позднее писал барону Врангелю, что после возвращения в Петербург, в конце ноября, когда для романа о Раскольникове было уже «много написано и готово», он «всё сжег» и «начал сызнова», по «новому плану». А что если не сжег? Доверять Федору Михайловичу в подобных вещах следует с осторожностью. Например, в 1871 году, перед возвращением из длительной заграничной поездки в Россию, он тоже писал, что сжег все черновые рукописи последних четырех лет, в том числе оригиналы и первые редакции «Вечного мужа», «Идиота» и «Бесов». Однако потом выяснилось, что эти записи целы. Они и сейчас хранятся в Литературном архиве. Так, может быть, и от рукописи 1865 года что-то сохранилось? В любом случае вам, молодой человек, невероятно повезло.

Старая ведьма ни к селу ни к городу хихикнула.

– Рукопись как документ исключительной культурной ценности подлежит передаче, или в некоторых предусмотренных законом случаях, продаже государству. Это если вы сможете доказать, что владеете рукописью легальным образом – например, она досталась вам по завещанию. Но вы-то, конечно, захотите переправить ее за границу, на аукцион. Эх, надо было взять с вас больше. Шучу! – замахала она рукой на попытавшегося протестовать Фандорина. – Я вам гарантировала конфиденциальность и слово сдержу. Наука, которой я посвятила всю свою жизнь, обошлась со мной скверно, и я ничем ей не обязана. Но вы учтите вот что. – Экспертша хитро прищурилась. – Цена такого автографа сравнительно невелика – несколько тысяч долларов, даже если продавать по-черному, в частные руки. Но если бы у вас на руках была вся рукопись, тогда ого-го. Совсем другое дело.

Она выжидательно смотрела на собеседника. Даже приспустила очки – блеснули два недобрых водянистых глаза.

– Это собственность моего клиента. – Николас поднялся, бережно спрятал драгоценную страницу и заключение в прозрачную папку. – Ему и решать.

Бедный Рулет, думал он. Что с ним будет? Теперь на радостях *уширяется* до смерти. Как быть?

– Желаю успеха, Николай Александрович Фандорин, – сказала на прощанье Элеонора Ивановна с уже нескрываемым, хоть и мало понятным ехидством.

Ника ехидство заметил, но списал на старушечьи причуды. К тому же был озабочен сложной этической задачей: как бы не нарушить закон и в то же время не обмануть доверие клиента.

Спускался по лестнице, вздыхал. Проблема казалась ему очень трудной.

А между тем до столкновения с проблемой по-настоящему трудной магистру истории оставалось максимум минуты три.

Во дворе люто палило солнце, согнав со скамеек всех пенсионерок. Грязный голубь безнадежно тыкался клювом в пересохшую лужу, мимо протащи́лась собака с высунутым языком,

и лишь стайка девчушек самозабвенно прыгала по расчерченному мелом асфальту. И жара им нипочем, а у кого-то вон сердечный приступ, подумал Николас, заметив припаркованный неподалеку реанимобиль.

Сел в свой раскаленный метрокэб, опустил стекла и включил вентилятор на полную мощность, чтоб поскорее продуть кабину. При повороте ключа ожил приемник. Это было «Автор-радио», новая станция, которая в перерывах между сводками дорожного движения крутила авторскую песню.

Женский голос страстно и печально запел под гитару: «Ты говоришь – она не стоит свеч – игра судьбы – темны ее сплетенья...»

Фандорин тронул с места.

Чтобы выехать в переулок, нужно было миновать арку. Попад из ярко освещенного двора в эту темную зону, Ника на всякий случай замедлил ход потому что почти ничего не видел. И слишком поздно заметил, как от стены отделилась узкая тень...

Нет, про отделившуюся от стены тень потом. Сначала нужно закончить с Элеонорой Ивановой Моргуновой, чтоб больше уже не возвращаться к этой неприятной во всех отношениях даме.

Про гостью Элеоноры Ивановны.

А может, гостя. Или даже Гостя

Через пол этак часика после того как ушел бестолковый дылда, в дверь 39-й квартиры позвонили.

Элеонора Ивановна долго не открывала, смотрела в глазок. Свет, что ли, на лестнице перегорел – темно там было, ничего не видно.

– Кто там? – наконец спросила она. – Я же слышу, как вы шуршите. Отвечайте, не то в милицию позвоню.

Тоненький голосок ответил:

– Открой, Лялочка. Это я, Светуся.^[13]

Моргунова от неожиданности стукнулась лбом об дверь.

«Лялочкой» ее уже лет пятьдесят никто не называл. С тех пор, как умерла Светуся, ее сестра, – утонула в озере. Никого Элеонора Ивановна так не любила, как Светусю. Собственно, вообще с тех пор никого не любила.

И совершила потрясенная Лялочка невероятный поступок: сняла цепочку и открыла дверь. Нашло на нее что-то такое, будто не в себе сделалась.

Ну в самом деле, не держать же Светусю на темной лестнице?

Кто-то вошел из темноты, и пахло забытым ароматом – духами «Красная Москва», но ничего толком рассмотреть Моргунова не успела, потому что проворная рука сдернула у нее с носа очки, а без очков Элеонора Ивановна почти ничего не видела – семь диоптрий плюс глаукома.

Попятилась она, совершила два противоположно направленных действия: глаза сощурила в щелочки (чтобы хоть что-то разглядеть), а рот, наоборот, широко раскрыла (чтобы закричать).

Кое-что разглядела. И лицо непроизвольно сделало обратную рокировку: рот захлопнулся, глаза же широко-широко распахнулись.

Это была не Светуся.

Светуся навсегда осталась двадцатидвухлетняя, с двумя косами. А это была старуха в таком же, как у Элеоноры Ивановны, балахоне, с такой же сумкой и в темных очках.

– Я пошутила. Я не Светуся. Я – Элеонора Ивановна Моргунова.

В груди у старухи что-то хрустнуло, в глазах потемнело.

Неужели у меня такой противный, писклявый голос, мелькнуло в голове у пораженной Элеоноры Ивановны. То есть, не у меня, а у... Но как? Почему?!

Она допятилась до комнаты, чуть не споткнулась на пороге, но устояла на ногах. Сделала еще несколько шагов и упала в кресло. На столике стоял стакан с валокардиновыми каплями, всегда наготове. «Выпей, скорее выпей», подсказало судорожно бьющееся сердце. Но было не до капель – привидение всплыло в комнату, село на стул в темном углу. И снова заговорило:

– Послушай, ты извини, что я Светусей представилась. Нужно было, чтобы ты дверь открыла. Я ведь, хе-хе, не Дух Святой сквозь дерматин просачиваться.

Моргунова встрепелась.

– Я знаю, кто ты! – крикнула она дрожащим голосом. – «Послушай, ты извини» – с этими словами к Ивану Карамазову обращается черт в девятой главе четвертой части «Братьев Карамазовых». У меня галлюцинация. Наверное, я упала в обморок, и ты мне мерещишься.

– Мне нравится, что мы с тобой прямо стали на ты, – засмеялась галлюцинация, тем самым подтвердив догадку Элеоноры Ивановны – уж это-то была дословная цитата из упомянутой главы.

У меня insult, вот что, подумала старуха. Всю жизнь занималась Федором Михайловичем, ничего удивительного, что мне такое привиделось.

Или это инфаркт? Как сердце болит!

– Что ты так удивилась? Ты же всегда знала, что этим закончится, старая чертовка.

– Ничего я не знала, – с трудом просипела Моргунова, которой с каждым мгновением делалось всё хуже.

– *C'est charmant*, «не знала». Всего Достоевского наизусть выучила – и не знала? – Химера поднялась со стула, но не приблизилась, осталась, где была. – Ты не волнуйся. Я, может быть, сейчас уйду и дам тебе покой. Ты мне только ответь на парочку вопросов, и уйду. Ей-богу, уйду. Хе-хе...

Под тихий, будто шипящий смех незваной гостьи... то есть гостьи... то есть Гостья Элеонора Ивановна потянулась дрожащей рукой за лекарством и почувствовала: нет, не достать. Не хватит сил.

4. Фантастический мир

Ты говоришь: «Она не стоит свеч,
Игра судьбы. Темны ее сплетенья».
Но не бывает лишних встреч,
И неслучайны совпадения.

«Автор-радио» успело пропеть одну строфу, прежде чем Николас въехал в арку, полуослеп от темноты и проглядел, как от стены отделилась узкая тень.

Тень покачнулась, всплеснула руками. Упала прямо под колеса.

Визг тормозов.

Панический удар сердца о грудную клетку. Удар грудью о руль. Удар бампером в мягкое.
– Oh, my God, no! – вырвалось у Ники по-английски, чего с ним уже лет пять не случилось.

Всю взрослую жизнь, с тех пор как впервые нажал на педаль газа, боишься именно этого: даже не столкновения с другой железной коробкой на колесах, а тошнотворно сочного звука, когда металл ударит в живое, и две судьбы полетят под откос – твоя и еще чья-то.

Кто, кто? – вот о чем думал Фандорин, открывая дверцу трясущейся рукой. Пьяный, старушка, шустрый мальчуган? Только бы не мальчуган, взмолился он, только бы не мальчуган!

Молитва его была услышана. Ах, сколько раз в детстве мама говорила: «Когда молишься о чем-нибудь, формулируй просьбу с предельной ясностью».

Глаза уже свыклись с полумраком, и Ника увидел, что под бампером его массивного англичанина лежит девочка.^[14]

– Ребенка сбили! – закричала женщина. Эхо обеспечило должный акустический эффект.

– Ты жива? – выдохнул Ника, опускаясь на колени рядом с телом.

В конце концов, с какой скоростью он ехал? Вряд ли больше десяти километров в час.

Девочка-подросток застонала и пошевелилась.

Под гулким сводом раскатывался шум вмиг собравшейся толпы.

– Жива не жива, а посидеть придется, – позлорадствовал бас.

– Надо его на алкоголь проверить, – деловито предложил надтреснутый тенор. – Гоняют по двору, а тут дети.

– Эти завсегда откупятся. Ишь, тачка заграничная, – высказался третий голос, старческий.

Еще кто-то (разумеется, не мужчина, а женщина):

– У кого мобильный есть? «Скорую» надо!

– Не надо «скорую», – сказала вдруг девочка, садясь. – Я ничего... Я сама виновата.

Он тихо ехал. Это у меня голова закружилась. Вы извините, пожалуйста, – обратилась она к парализованному ужасом Нике и всхлипнула.

Теперь, когда девочка села, стало видно, что ей лет шестнадцать. Не девочка – девушка. В майке со стеклярусным попугаем на груди, в коротких светлых брючках и сандалиях.

– Молчи, дура! – посоветовал деловитый тенор. – Сама, не сама – какая разница. Ты чё, не видишь, мужик упакованный? Тут реальные бабки светят. Я свидетель буду, как он без фар въехал.

– Да вот же фары, горят! – возмутился Николас.

– После включил. А ты, девка, меня слушай, договоримся.

Но девушка советчика не слушала. Она стояла на четвереньках и шарила рукой по асфальту. Нашла что-то, охнула:

– Господи, разбились!

В руках у нее были солнечные очки. Очевидно, совсем новые, еще наклейка со стекла не снята.

– Так больно? – спросил Ника, наскоро ощупывая ее плечи и затылок. – А так?

– Хорошо девку лапать! – крикнул из толпы всё тот же подлый голосишка.

– Нет, только локтем немножко ударилась. Со мной правда всё в порядке.

Но когда он помог девушке встать на ноги, оказалось, что она вся дрожит. Еще бы, нервный шок...

– Садитесь ко мне. Я отвезу вас в больницу.

Доброжелатель, плюгавый мужичонка с сетчатой сумкой, в которой позвякивали бутылки, строго сказал:

– Даже не думай! Сейчас ты – жертва наезда, у тебя все права, а потом иди, доказывай. Он тебя за угол отвезет и пинком под зад. Но ничё, я номер запомнил.

Толпа, увидев, что ничего особенно драматичного не произошло, уже рассосалась, остался лишь этот прагматик.

– А может, вставить можно? – спросила жертва наезда, надев очки.

Один глаз смотрел на Николаса сквозь сетку трещин, второй, незащищенный и широко раскрытый, был в пустой рамке.

– Я вам куплю другие такие же, – пролепетал Фандорин, всё еще не веря своему счастью. Жива, целая! И, кажется, не намерена вымогать деньги. – Только сначала все-таки съездим в травмопункт, проверимся. Мало ли что.

Он чуть не насильно усадил ее в машину, включил в салоне свет и теперь смог рассмотреть девушку как следует.

Худенькая, светлые волосы до плеч, такие же светлые ресницы и брови – не красится, у нынешних шестнадцатилеток это редкость. Хотя, возможно, ей было и больше. Или меньше. Миновав сорокапятилетний рубеж, Николас стал замечать, что разучился разбирать возраст молоденьких девушек, у которых лицо еще не оформилось, а лишь одна щенячья припухлость на щеках. То ли им шестнадцать, то ли двадцать шесть – не поймешь. Точно так же в юности он удивлялся, как это люди на взгляд определяют, кому пятьдесят пять, а кому семьдесят. Все пожилые дяди и тети тогда казались одного возраста.

– Вам сколько лет? – спросил он на правах пожилого дяди.

– Восемнадцать, – ответила незнакомка, уныло разглядывая очки. – И дужка погнулась...

Вроде хорошенькая, черты лица правильные, а не красавица, по природной мужской привычке (ничего с ней не сделаешь) определил Фандорин. Ведь что такое красавица? В чем тут фокус? В выражении лица, в особенном сиянии глаз, в посадке головы. А сбитая метрокеблом блондиночка была какая-то тусклая, жалкая. Тощие плечики приподняты, на шее сзади детский пушок, да еще носом шмыгает. Странная девчонка, слишком уж беззащитная. Разве нормальная московская девица восемнадцати лет сядет в машину к незнакомому мужчине, который к тому же ее только что сбил? Да нормальная прежде всего запросила бы с владельца липового «роллс-ройса» пару сотен, а то и тысяч. И заплатил бы, никуда не делся.

Николас включил передачу, хотел тронуть с места, но девушка встрепенулась.

– Ой, не надо в травмопункт. Я пойду лучше. Мне в этот дом нужно, по делу. Вы наверно тут живете? Не знаете, в каком подъезде 39-я квартира?

– Нет, я не здешний, – начал Фандорин и вдруг сообразил. – Тридцать девятая? Вы что, к Элеоноре Ивановне?

Вот так совпадение!

Девушка удивилась меньше, чем он. Это и понятно – она ведь решила, что он из этого двора.

– Вы ее знаете? А я нет. Она специалистка по рукописям Достоевского. – Голубые глаза смотрели на Нику ясно и доверчиво. – Мне у нее кое-что выяснить нужно, очень важное.

Вот тебе раз! Фандорину стало любопытно.

– Поразительно, – улыбнулся он. – Тогда давайте знакомиться. Николай Александрович Фандорин.

– Саша. Саша Морозова, – представилась она и протянула шуплую лапку.

– Представьте себе, Саша Морозова, я только что из 39-й квартиры. Тоже приезжал к Элеоноре Ивановне за консультацией.

– Ну и как она? Строгая? – боязливо спросила девочка, опять не сильно удивившись.

У вялых, малокровных созданий реакции и эмоции всегда какие-то пригашенные, подумал Ника. И здорово ошибся, потому что Саша вдруг закрыла лицо ладонями и горько, безутешно разрыдалась.

Это потрясение, последствие шока, объяснил себе он, осторожно поглаживая ее по плечу.

– Ну-ну, – шутливо сказал Николас. – Элеонора Ивановна, конечно, особа устрашающая, но не до такой степени. Не Баба-Яга, не съест.

Кажется, подействовало. Саша высморкалась, улыбнулась сквозь слезы – будто солнышко выглянуло из-за туч, но на одно мгновение, не долее.

– А хоть бы и Баба-Яга. – Острый подбородок решительно выпятился. – Мне деваться некуда. На нее вся надежда.

И так это было сказано, что Нике сразу шутить расхотелось.

– Что у вас стряслось? – серьезно спросил он. – И при чем тут Моргунова? Честно говоря, она мне совсем не понравилась. Малосимпатичная старушка.

Навстречу из переулка въехала машина, пришлось пятиться задом обратно во двор.

– Моргунова ни при чем. Достоевский при чем, – непонятно объяснила девочка. – Горе у меня. Такое горе...

Снова расплакалась, теперь уже надолго. Больше всего Нику тронуло, что она ткнулась лбом ему в плечо – как Геля, когда была совсем маленькая. Он поглаживал странную девушку по волосам, ждал, пока наплачется и начнет рассказывать – кажется, ей самой этого хотелось.

И она в самом деле заговорила. Рассказ начался невнятно и сбивчиво, так что Ника почти ничего не понимал, но затем понемногу стало проясняться.

Про Сашино горе

Понимаете, надо Илюше за клинику платить, второй взнос, и ужасно много, целых двадцать тысяч... Десять-то папа успел сам внести, а теперь вот еще двадцать, и как? Потом тоже надо, две проплаты, но это не очень скоро. В договоре так написано, у швейцарцев с этим строго. А если не заплатить, выпишут перед следующим этапом. И первые десять тысяч просто пропадут. Евро! У них там швейцарские франки, но мы через фирму-посредника платим, а у них евро...

Десять тысяч – это они только на обследование потратили, а лечить еще даже не начинали. Их тоже понять можно, там же дорого всё ужасно. Оборудование, палата, медикаменты, и зарплаты у всех не то что у нас, нянечка больше нашего профессора получает... Или, может, у них нет нянечек? Не знаю. У них в Швейцарии даже медсестры с высшим образованием, есть доктора медсестринских наук, честное слово, мне папа рассказывал.

Илюша – это мой брат, ему девять лет. У него порок сердца, врожденный, очень тяжелый. Операция нужна, ее у нас не делают, только в Швейцарии, в одной клинике. Они вдвоем с Антониной Васильевной поехали, это мама его, а моя – ну, «мачеха» нехорошее слово – папина жена. Там в клинике четыре

этапа: обследование, первая операция, курс лечения и вторая операция. Если всё сделать, Илюша задышаться перестанет, сможет бегать, учиться, как все. Нормальный будет. И лицо будет не голубое, а как у всех мальчиков. Румяное.

Э, да я ошибся, она красавица, подумал Ника в этом месте рассказа, увидев, как глаза Саши наполняются сиянием. Просто не сразу разглядишь, но тем сильнее эффект.

– Так в чем горе? – спросил он участливо. – Что нет денег на вторую выплату?

Девушка энергично помотала головой. Вытерла слезы.

– Есть. И я их найду. Обязательно найду. Это я сама придумала у Элеоноры Ивановны Моргуновой спросить, мне про нее папа рассказывал.

– Что спросить?

– Не говорил ли с ней папа про рукопись. Она же самая главная специалистка. Наверняка он ей показывал, совета спрашивал.

Николас так и обмер, а Саша огляделась по сторонам и, хотя они сидели в машине и никого рядом не было, перешла на шепот.

Про Сашино горе (продолжение)

Понимаете, мой папа нашел рукопись. самого Федора Михайловича. Представляете?

Это его Господь пожалел. Из-за Илюши. Рукопись очень больших денег стоит. На лечение хватит, и еще сколько-то останется. Но главное, чтоб на клинику хватило. Тогда Илюша выздоровеет, и Антонина Васильевна успокоится, не будет нервничать и ругаться, и всё у нас будет хорошо. Как раньше, до капитализма.

Мы тогда очень хорошо жили. Я сама не помню, я маленькая была, но папа рассказывал. Он же доктор наук, у него две диссертации по Федору Михайловичу. Раньше зарплата была приличная, и в институте продовольственные заказы. Это когда всякое вкусное задешево выдают, теперь такого не бывает. А потом папа на Антонине Васильевне женился, потому что моя мама умерла, когда меня рожала. Вот какой на мне грех ужасный, прямо с рождения. И пришлось папе снова жениться. И родился Илюша, весь больной. А тут капитализм, и денег совсем не стало, а на Илюшу много надо...

Я, правда, помогаю, но это не так давно, три года только. Со старушками больными сижу, то есть сидела, квартиры убирала, за это платят хорошо. Один раз повезло, устроилась на дачу к одному парализованному дедуле, целых 30 долларов в сутки. Спать все время хотелось, зато Илюше сок свежий покупали, витаминные комплексы. А потом пришлось уйти, потому что дедулин сын стал приставать. Обещал еще столько же приплачивать, если я буду... ну... сами знаете. Я убежала, даже за последнюю неделю деньги не забрала. Потом стыдно было. Подумаешь, не убыло бы. Это Антонина Васильевна так сказала, сгоряча. Она за это после прощения у меня просила, а зря. Права она: эгоистка я.

А папа говорил: ничего, Санечка, мы еще всем нос утрем. Вот будет у нас много-много денег, мы Илюшу вылечим, и накупим всего. Антонина Васильевна на эти разговоры сердилась, кричала, так папа мне стал рассказывать, когда мы вдвоем. Антонина Васильевна хорошая, но ее тоже можно понять. Выходила за старшего научного, доктора наук, зарплата четыреста рублей с надбавками (это раньше очень много было), а теперь что?

Другие как-то приспособились, а папа все время и все деньги на Поиск тратил. Вот найду, говорил, рукопись, купим «мерседес», Илюшу в Швейцарию пошлем, а тебя одену с головы до ног, как принцессу. Представляете? У нас никогда даже «жигулей» не было, а он – «мерседес». Ух, как Антонина Васильевна из-за этого «мерседеса» заводилась! А папа взял и купил. Когда рукопись нашел. Он ведь ее нашел, представляете? И покупателя нашел, и аванс получил приличный. Столько всего накопил! Не только «мерседес». Антонине Васильевне духов и платьев, себе пиджак с золотыми пуговицами, «блейзер» называется, линзы контактные вставил – он всегда мечтал. И мне много всего: одежду, очки солнечные, с лейблом... А я их разбила...

Саша снова горестно посмотрела на сломанные очки, но тут же просветлела.

– А еще он мне подарил цепочку на щиколотку, с маленькими бубенчиками, из настоящего золота, девятикаратного.

Она подняла коленку к подбородку и продемонстрировала щиколотку. Про девятикаратное золото было сказано так, будто речь шла о девятикаратном бриллианте.

– «Мерседес» знаете какая машина? Еще лучше вашей. Мы на нем, правда, только один раз всей семьей успели покататься, в Архангельское. Сиденья кожаные, мягкие, можно кнопками стекла все опускать, а вот здесь, где подлокотник...

– Погоди, – оборвал рекламу «Даймлер-Бенца» Николас, напряженно слушавший сбивчивый рассказ. – Итак, твой папа искал и нашел рукопись Достоевского. Что это за рукопись?

– Да я толком не знаю. Папа не рассказывал, говорил, секрет. Он ее спрятал где-то, а сам повез покупателю только начало, в черной папке. Позавчера это было... Папки специальные купил, для представительности, ужасно дорогие.

Саша судорожно всхлипнула, из глаз опять полились слезы. Хотела продолжить, но сразу не получилось.

А Ника, кажется, и сам уже догадывался, что произошло дальше.

– На него во дворе напал кто-то... Голову проломил, папку с рукописью забрал... Я вчера весь день в больнице... Папа без сознания. Сегодня пришла, а он...

И новый взрыв рыданий, таких бурных, что рассказ оборвался.

– Умер, – мрачно констатировал Фандорин.

Ах, Рулет, Рулет, наркоман несчастный, что ты натворил!

Девушка помотала головой.

– Не приходит в себя?

– Нет, прише-ел... – И рыдания еще пуще.

Николас озадаченно смотрел на нее.

– Так что же вы плачете? Из-за пропавшей половины рукописи?

«Это дело поправимое», хотел сказать он, но Саша снова отчаянно замотала головой и уже не заплакала – завывала, да так горько, так обиженно, что Ника вообще перестал что-либо понимать.

– Погодите. Отец живой?

– Живо-ой...

– Почему же вы плачете?

– Живой-то живой... Только это не он...

– Как «не он»?!

– Ой, не спрашивайте больше, не могу я!

У-у-у...

И видно было, что действительно не может. Подождал Николас, дал ей еще немного поплакать.

Долго ждать не пришлось, эта девочка умела брать себя в руки.

– Сейчас главное – рукопись найти, – сказала она гнусавым от слез и все же твердым голосом. – А то ни начала, ни конца. Начало украли, конец папа где-то спрятал. Может, Элеонора Ивановна что-нибудь знает.

Тут-то Ника ей и выдал.

– Элеонора Ивановна не знает. Зато я знаю. Во всяком случае, где первая половина.

И рассказал про Рулета – всё, как было. А чтобы Саша не сомневалась, предъявил исследованную экспертшей страницу.

– Ну, не чудо ли, что мы с вами встретились? – закончил он с чувством. – Не жалеете теперь, что попали ко мне под колеса?

– Это меня Бог толкнул, – безо всякого надрыва, со спокойной уверенностью произнесла Саша. – И ангел сулил.

Фандорин ошарашенно посмотрел на нее.

– Какой еще ангел?

– Ко мне приходит. Ну то есть, пока только один раз приходил. – Саша мечтательно улыbnулась, глядя куда-то вверх и в сторону. – С золотыми волосами, сияющий^[15].

Э-э, пригляделся к ней Ника, да ты, деточка, кажется, с придурью. Как говорится, это многое объясняет. Ну и история. По-хорошему следовало бы идти в милицию, чтобы этого разбойника Рулета арестовали и рукопись у него отобрали. Но как же тогда будет с Илюшиной операцией? Поступишь по букве закона – надругаешься над справедливостью. Вечная российская проблема.

– Едем! – сказал он.

– Куда?

– В Саввинский переулок. Это за Плющихой.

Надо вызвонить Валу, без нее разговаривать с обколотым налетчиком опасно, лихорадочно соображал Фандорин.

Вот тут Саша в первый раз по-настоящему удивилась.

– В Саввинский? А откуда вы знаете, где я живу?

Николас притормозил, уставился на нее.

– Вы тоже живете в Саввинском?

Она кивнула.

Что за чертовщина, совпадение за совпадением!

Хотя нет, в данном случае никакой мистики: просто Рулет присмотрел жертву рядом с домом. Или же напал на первого попавшегося соседа, от абстинентного остервенения.

Поделившись со спутницей своей догадкой, Ника попробовал осторожно вывести, что же стряслось в больнице с Морозовым-старшим? Что за горе такое, по сравнению с которым меркнет даже пропажа заветной рукописи?

– Не хочу про это. Не могу, – отрезала Саша с неожиданной твердостью. – Так мне и надо. Бог за грехи наказал.

– Да за что Богу вас наказывать? – не выдержал Фандорин. – По-моему, вас хоть сейчас можно в рай запускать. Переодеть только и цепочку с щиколотки снять.

Она посмотрела на него с укором:

– Нельзя так про рай говорить. Нехорошо. А про меня вы ничего не знаете, я ужасная грешница, самая скверная, какие только бывают.

Насупилась, замолчала.

Ну и он к ней больше не приставал. Дальше ехали молча.

* * *

Валя добралась до места раньше, поджидала у подворотни в своем розовом «альфаромео».

Знакомясь, оглядела Сашу с подозрением. Та же смотрела на гламурную девушку во все глаза, с восхищением. Шепнула Нике: «Как из журнала!»

Валя, извращенное создание, прошипела в другое ухо:

– На малолетку запали?

На такую глупость Николас и отвечать не стал. Вместо этого сказал:

– Что будем делать, если никого нет дома? Или если не откроют?

Открыли. Правда, не сразу – пришлось раза три жать на кнопку, но в конце концов в коридоре послышались нетвердые шаги, и створка распахнулась.

Пожилая тетка в нечистом халате, с прилипшей к губе сигаретой. Взгляд мутен и нетрезв.

– Нам нужен Рулет, – громко сказал Николас, не уверенный, что его поймут.

– А вы ему кто? – икнув, поинтересовалась тетка.

Валя отодвинула шефа в сторону.

– Родственники.

– Из Рязани? – снова икнула. – Деньги за комнату привезли? Давайте.

– Деньги потом. Рулет дома? Войти-то можно? – Секретарша без церемоний задвинула пьянчужку в глубь коридора. – Николай Александрович, прошу.

– Нету его. Вчера вечером был. И ночью был, бормотал чего-то сам с собой. А утром захожу, он мне двадцать рублей обещал, а его нету. Удрал, гад. И двадцатку не оставил.

По-хозяйски пройдясь по голому коридорчику, Валя кивнула на дверь, украшенную изображением черепа и костей:

– Его контора?

Квартирная хозяйка подумала, похлопала глазами.

– Его.

– Мы зайдем? Натe пока, сходите в аптеку, поправьте здоровье.

Валя не глядя сунула тетке сотенную бумажку. И хозяйку как ветром сдуло, даже тапки не переобула.

– Ну что, поищем? – потерла ладони ушлая Валентина, входя в комнату.

Поискали. Хорошо поискали. Николас сначала переживал: как так, произвол, несанкционированное вторжение в чужое жилище, но когда девушки ничего похожего на рукопись не нашли, присоединился к поискам.

По правде сказать, спрятать стопку бумаги в этой комнате было особенно негде. Кровать отсутствовала, ее заменял полосатый замызганный матрас (его, конечно, прощупали в первую очередь). Ну, стол, рассохшийся стул. Несколько предметов одежды, беспорядочно сваленных в углу. Старые кроссовки. Пустой шприц. Всё.

Ника простукал паркетины, стены, подергал плинтусы. Ничего.

Единственная странность – на подоконнике едва заметный след подметки (судя по рельефному рисунку, спортивная обувь), будто кто-то стоял на окне, причем лицом в комнату. Однако Рулет – парень высокий, у него и кроссовки сорок четвертого размера, а след, как прикинул Николас, был максимум тридцать восьмого. Очевидно, женский.

Не зная, куда еще заглянуть, Фандорин даже перегнулся через подоконник, вспомнил, что герои романа «Белая гвардия» устроили тайник за окошком.

Но и там ничего не было, только какие-то странные пятна на штукатурке. Они вели снизу вверх и чуть пониже окна обрывались. Николас потрогал пятно – что-то липкое. Брезгливо вытер палец платком.

В общем, визит к Рулету ничего не дал.

– Ну, шеф? – спросила Валя. – Где будем рыть этого торчка? То есть, я хотела сказать: где нам искать этого наркомана?

– Милиция нашла бы его в два счета. И найдет, если сам не объявится. – Ника взглянул на Сашу, увидел, как у той задрожали губы, и быстро добавил: – Но не будем торопиться. Навестим Рулета снова. И, может быть, даже не раз. Рано или поздно застанем. Так или иначе, у кого искать первую половину рукописи, мы знаем. Проблема – вторая половина. Вы говорили, отец ее куда-то спрятал? Но если он пришел в себя, то значит, может рассказать. Он в состоянии говорить?

Девочка опустила глаза, кивнула.

– В чем же дело?

Молчание.

– Послушайте... – Фандорин начинал сердиться. – Если вы хотите, чтобы я вам помог, не играйте со мной в молчанку!

Саша обреченно вздохнула.

– Едемте в больницу. Сами увидите. Пускай Марк Донатович, я так не объясню... И не поверите вы... Поедете?

Почему я должен ехать в какую-то больницу, к какому-то травмированному достоевсковеду, да еще какой-то Донатович на мою голову, задал себе резонный вопрос Ника, уже предчувствуя, что судьба затаскивает его в очередную мутную историю. Это ведь даже не работа с клиентом, просто попросила странноватая девчонка, с явными психическими отклонениями!

Живешь себе в разумном, реальном мире, день да ночь – сутки прочь, живешь так месяц, год и начисто забываешь, что совсем рядом, на расстоянии одного удара сердца, *существует* другой мир – непредсказуемый, опасный, фантастичный. Ведь не раз уже попадал в его цепкие лапы. В них только угоди – не выберешься. А если и выберешься, то весь исцарапанный, едва живой.

Чего я переполошился, попробовал успокоить себя Фандорин. Подумаешь – навестить в больнице раненого, помочь советом бедной девочке, да такой славной, несовременной. Ангелы вон ей являются.

Но интуицию не обманешь. Знал Николас, уже тогда, в пустой комнате пропавшего Рулета, когда ничего страшного еще не произошло, знал: один шаг – и выпадешь из белого мира в черный, где придется существовать по совсем иным законам. Так что винить магистру истории было некого.

Но и давать задний ход было поздно.

Границу, отделяющую реальный мир от фантастического, он уже пересек, сам того не поняв и не заметив. Произошло это не сейчас, а в ту секунду, когда под колеса его метрокэба упала худенькая девочка.

Или еще раньше – когда в дверь офиса 13-а позвонил ободранный юноша со стопкой бумаги под мышкой.

И вообще, мужское ли это дело – бегать от судьбы?

Валя изумленно смотрела на молчащего шефа.

– Николай Александрович, а чего такого? Сгоняем, посмотрим. Интересно же!

Ей-то что. Она, ходячая небылица, в фантастическом мире чувствовала себя, как дома.

5. Физиология мозга

Николасу случалось бывать в постсоветских больницах, и он рассчитывал увидеть огромный корпус из грязно-белых панелей. Расположен он будет где-нибудь у Кольцевой автодороги, внутри будет пахнуть дезинфекцией и кислой капустой, по коридору не пройти – все заставлено койками, потому что в палатах не хватает мест. Ничего не попишешь – бесплатная медицина. Дареному коню в зубы не смотрят.

Но в больнице, куда они приехали с Сашей Морозовой, всё было иначе.

Во-первых, находилась она не на окраине, а в самом центре столицы, на так называемом Золотом острове, почти напротив Кремля.

Во-вторых, больница была маленькая: на улицу выходило трехэтажное здание в модном стиле «техно», с обеих сторон к нему подступала ограда, за которой зеленели деревья.

Ну и наконец, в сущности, никакая это была не больница. «Научно-исследовательский центр физиологии мозга» – вот что значилось на ослепительно сияющей табличке.

И внутри всё оказалось очень прилично.

Просторный вестибюль с кожаными креслами, мраморная стойка, за которой дежурили две элегантные девицы в фисташковых комбинезончиках. Одна стрекотала по телефону:

– C'est de la part de qui?... Ah, oui, madame, bien sûr.¹

Другая, приветливо улыбаясь, спросила:

– Чем я могу вам помочь? – И когда Саша сказала «мы к Марку Донатовичу», улыбнулась еще шире. – Минуточку. Присядьте.

– Гламурненькая больничка. Настоящий бизнес-класс, – одобрила заведение Валя, беря со столика лакированный журнал и усаживаясь. – Не экономят на персонале. И правильно. Ресепшн – лицо фирмы.

Пожилая медсестра, прокатившая мимо пациента в хромированном кресле, Вале тоже понравилась.

– Всё у них по уму. Для понта – цыпули, для дела – бабули.

– Послушайте, Саша, – не выдержал Ника. – Вы говорили, что денег нет и за брата платить нечем. Но я представляю, во сколько обходится лечение в этом дворце.

Девушка, нервно переминавшаяся с ноги на ногу, тихо сказала:

– Ни во сколько... Марк Донатович, это главврач, взял папу, потому что необычный диагноз. – Ее личико дернулось. – Тут с пациентов вообще денег не берут, это же исследовательский центр.

– Чего необычного-то? – удивилась Валя. – Подумаешь, по башке стукнули. На Москве таких диагнозов в день по сто штук.

Ответить Саша не успела – девушка из ресепшна повела посетителей к главврачу: широким коридором, потом лестницей на второй этаж.

Перед кабинетом с табличкой «МАРК ДОНАТОВИЧ ЗИЦ-КОРОВИН» нажала на кнопку и удалилась, предупредив:

– Вы можете войти, когда откроется дверь.

Постояли, подождали. Дверь что-то не открывалась. Откуда-то просачивалась заунывная восточная музыка.

Валя от нечего делать с минуту грациозно покачала шеей, поделала пассы руками, изображая индийский танец, потом ей это наскучило. Она приложила ухо к двери.

– Музыку он слушает! А его, между прочим, люди ждут.

И решительно повернула ручку.

¹ Как вас представить?... Ах да, конечно, мадам. (фр.)

Картина, открывшаяся взгляду посетителей, была не совсем обычной.

В небольшом офисе на полу лежал пожилой мужчина с закрытыми глазами, безвольно раскинув конечности. Здесь же, прямо на линолеуме, замысловато закрутив ноги, сидела молодая женщина – черноволосая, стриженная под мальчика, да и фигурка у нее была, что называется, мальчиковая. Мужчина был в брюках и майке, женщина в легком белом костюме. У стула аккуратно стояли две пары обуви – одна большого размера и одна маленького. Музыка лилась из висевших на стене динамиков.

– Тс-с-с! – Брюнетка приставила палец к губам и невесомо, не коснувшись руками пола, поднялась.

На цыпочках подошла, прошептала:

– Марк Донатович релаксирует в позе трупа. Сейчас я его выведу из состояния покоя.

Она присела на корточки рядом с доктором, провела узкой ладонью перед его лицом, что-то прожурчала на ухо.

Мужчина открыл глаза, улыбнулся.

– Спасибо, Кариночка. А, уже пришли?

Он поднялся – тоже довольно прытко, невзирая на солидную комплекцию и возраст.

– Здравствуйте, Марк Донатович, – робко произнесла Саша. – Это мои друзья – Николай Александрович и Валентина.

– Очень хорошо, – улыбнулся доктор Зиц (как дальше, Ника забыл). – Сашеньке сейчас необходима психологическая поддержка, девочка на грани срыва. А мы с Кариночкой устроили себе пятиминутку отдыха. Знаете, вот так немножко полежишь в позе трупа, с полным отключением всех мышц, и как будто часок поспал. Ассистентка у меня золото, у нее диплом по хатха-йоге.

Фандорин удивленно приподнял брови: черноволосая Кариночка, уже успевшая подать главному врачу халат, опустилась на колени и стала надевать шефу туфли. Да еще и старательно смахнула с них пылинку. Ну и дрессировка персонала!

– Кариночка, позвони в Лондон, скажи, что заключение будет готово завтра утром. Про твое соревнование не забыл, помню. Позвонишь – и можешь идти. Желаю победы. Кариночка у нас, кроме всего прочего, еще и каратистка. На первенстве Москвы выступает, – пояснил Марк Донатович гостям и широким жестом показал на кожаную дверь. – Милости прошу ко мне.

Замечательный у него был кабинет: не столь уж большой, но весь наполненный светом, с прекрасным видом на сад, с дизайнерской мебелью, стены сплошь увешаны дипломами и фотографиями, а на отдельном столике изысканная минималистская икэбана.

Любопытный типаж, думал Ника, разглядывая доктора Зица. Сразу видно – личность.

Это был высокий, полный человек с прямыми седыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жира пальце. Весь он был какой-то широкий, избыточный, и всё на нем было широкое – щегольский халат (оказывается, и докторский халат бывает щегольским), белые брюки, удобные плоские туфли. Движения больших рук были размашисты, голос раскатист и барственный. Но больше всего поражали ярко-синие, очень молодые глаза, странно смотревшиеся на морщинистом лице.

Без интереса скользнув по Саше и на несколько секунд задержавшись на Николасе, мальчишеские глаза седовласого доктора остановились на Вале, сверкнули искорками и с этого момента глядели на нее почти неотрывно. Да и говорил Марк Донатович, главным образом адресуясь к эффектной фандоринской секретарше.

Валя, конечно, рада стараться: ноги сдвинула, руки пристроила на коленях, глазки целомудренно опущены, но время от времени прицельно постреливают по объекту из-под длинных ресниц.

– Вы супруга Николая Александровича? – вот первое, чем поинтересовался Зиц.

– Нет-нет, – проворковала Валя, кокетка. – Мы коллеги по работе, и еще я дружу с его женой.

Приятнейше ей улыбнувшись, врач ненадолго одарил вниманием Сашу:

– Деточка, я знаю, какой ты перенесла шок. Но не надо устраивать из случившегося трагедию. Как говорили в древности у нас на Руси, твой папа «впал в изумление», то есть *вытал из ума*. Помнишь, как у Высоцкого: «Он то плакал, то смеялся, то щетинился, как еж. Он над нами издевался – ну сумасшедший, что возьмешь?»

– Папа не сумасшедший! – надорванным голосом выкрикнула девочка.

– Ну конечно. Это просто последствие травмы. Уверен – временное. Я обязательно его вылечу.

Зиц успокаивающе похлопал Сашу по руке, но смотрел уже снова на Валою.

– Скажу без ложной скромности: специалистов моего уровня по физиологии мозга в мире двое-трое, ну максимум четверо. И ни у одного из них нет моей генеалогии, а в нашей профессии это очень, очень важно. По отцу я происхожу из Коровиных, это четыре поколения психиатров. А мой прадед по матери – и вовсе академик Зиц, тот самый, великий нейрофизиолог. Вот почему у меня двойная фамилия, и «Зиц» в ней стоит на первом месте, так договорились между собой мои родители. Между прочим, «Марком» они меня называли в честь императора Марка-Аврелия, это вам тоже не комар чихнул.

Марк Аврелий

Марк Донатович усмехнулся Вале, как бы иронизируя над собственной похвальбой. Общий эффект получился такой, какой надо: и впечатляюще, и обаятельно.

Было видно, что главврач обожает распускать перья перед красивыми женщинами, поэтому Ника решил повернуть разговор в более деловое русло:

– Скажите, что за диагноз у Сашиного отца? Сама она не смогла нам объяснить.

– Еще бы. Пойдемте в палату. Расскажу по дороге.

Отвлеченный от созерцания Вали, Зиц сразу стал сама деловитость. Взглянул на свой «роллекс», вскочил, заторопился.

– Ты, деточка, можешь подождать здесь, – сказал он Саше. – Я понимаю, это тяжело.

Та, побледнев, покачала головой.

– Нет, я с вами.

Первый раз Марк Донатович остановился в кабинетике секретарши (которая, очевидно, уже успела поговорить с Лондоном и упорхнула). Поднял палец и сказал:

– Начнем с того, что последствия всякой Си-И-Ти, то есть cranioencephalic trauma – черепно-мозговой травмы, непредсказуемы и чреваты непредсказуемыми осложнениями. Человеческий мозг – система тонкая, таинственная, постоянно ставящая нас в тупик. Да что же вы встали? Пойдемте.

По ходу объяснения эта сцена повторялась неоднократно. Доктор останавливался в коридоре, на ступеньках, на лестничной площадке, снова в коридоре, выдавал очередную порцию сведений и удивлялся – что это слушатели стоят, когда нужно торопиться.

Понимать его речь, изобиловавшую аббревиатурами, по преимуществу англоязычными, было непросто – даже носителю языка Николасу, не говоря уж об остальных. Суть же сводилась к следующему.

От сильного удара в мозг больного нарушилось нормальное кровообращение, что полностью изменило установившиеся психофизические параметры поведения. Этот тип посттравматической дисфункции носит общее название «Organic Aggressive Syndrome» – «Органический агрессивный синдром», причем в случае пациента Морозова стопроцентно прослеживается симптоматика редчайшей разновидности OAS, так называемого Kusoyama Syndrome, Синдрома Кусоямы. Психиатрический диагноз подтверждается результатами SPECT, Однофотонной эмиссионной компьютерной томографии. В обоих полушариях имеются выраженные гипокaptуры. Почти не вызывает сомнений, что серьезно нарушен серотонергический баланс, в связи с чем возникли кардинальные личностные изменения. Проводимый курс лечения предполагает фармакологическую компенсацию 5-эй-ти-нейротрансмиссии, однако пока положительный результат не прослеживается. Должен произойти качественный скачок, который восстановит нормальное кровообращение, а также белковый и гормональный баланс.

Дослушав всю эту муть, Фандорин спросил:

– Он что, от удара сошел с ума? Тронулся рассудком?

Марк Донатович с сожалением посмотрел на него. Вздыхнул.

– Нет, с ума Морозов не сошел. В том смысле, что способности к рациональному мышлению он не утратил. «Тронулся рассудком» – определение крайне некорректное, но более верное. Видите ли, патологическое состояние, известное как Синдром Кусоямы, пока очень мало изучено медициной, а в столь острой форме вообще регистрируется впервые. Это интереснейший феномен! Такая удача! – Врач поперхнулся, поглядев на дочь больного. – Я имею в виду, в научном смысле.

– Да что за Кусояма такая? – нетерпеливо спросила Валя. – Вы по-нормальному, по-человечески объяснить можете?

Оказалось – может. Во всяком случае, если попросит красивая женщина.

– Если упрощенно, человек становится своей полной противоположностью. В ментальном и нравственном смысле. Инстинкты и комплексы, которые пациент все шестьдесят лет жизни подавлял усилием воли, сознания, воспитания, вырвались на поверхность. То же, что составляло приоритетные и обыденные интересы, утратило всякую ценность. Жертва синдрома, впервые описанного профессором Кусоямой, так сказать, сжигает всё, чему поклонялась, и поклоняется всему, что сжигала. Человек как бы превращается в свой негатив – ну, вроде фотопленки. Что было белым, становится черным. Что было черным, становится белым. Понимаете?

– Нет, – честно признался Ника и поглядел на Валю.

Та пожала плечами. Саша, тяжело вздыхая, смотрела в пол.

– Да, это надо видеть собственными глазами, – снисходительно обронил Марк Донатович. – Идемте, что вы всё останавливаетесь? Время, время!

До стационара было уже рукой подать. Глядя на тропические деревья в кадках, на плазменный телевизор в холле, Фандорин спросил:

– Скажите, а на какие средства содержится эта прекрасная клиника?

– Не клиника. Научно-исследовательский центр, – поправил его Зиц. – Первоначально мы существовали исключительно на частные пожертвования. У нас есть главный спонсор. Он и сам давал деньги, и, главное, помогал привлечь средства других состоятельных людей. Но теперь мы достигли европейской известности и вышли на самоокупаемость. Собственно, уже и прибыль даем. За счет выполнения различных заказных исследований и программ... Ну вот мы и пришли.

Он остановился перед стеклянной матовой дверью, однако вошел не сразу. Потер пальцами виски, будто хотел сосредоточиться или сконцентрировать волю. Потом обнял Сашу за плечо:

– Мужайся, деточка. Как говорят французы: «Кураж!»

А Нике и Вале сказал:

– Опасаться нечего. Палата специально оборудована.

На душе у Николаса, и так одолеваемого нехорошим предчувствием, стало совсем тревожно.

– Погодите, – начал он. – Что значит «специально оборудована»? И почему мы должны чего-то опасаться...

– А-а! – воскликнул доктор, глядя мимо него. – Аркадий Сергеевич! Уже приехали? Это и есть наш спонсор, о котором я вам говорил, – вполголоса объяснил он Вале и поспешил навстречу троице, появившейся из-за угла: двое мужчин и подросток.

– Вот, Николай Александрович, становитесь спонсором, и к вам тоже люди потянутся, – прокомментировала бегство главврача Валя. – А так ваш номер шестнадцать, стойте и ждите.

* * *

Спонсор Аркадий Сергеевич не сделал ни одного движения навстречу доктору. Этот человек явно привык, чтобы к нему кидались, причем со всех ног. Даже вальяжный Зиц-Коровин поневоле перешел на полурысцу. Правда, этот несолидный аллюр получился у Марка Донатовича не подобострастным, а этаким порывисто-энтузиастическим.

– Приветствую светило отечественной и мировой медицины, – с улыбкой протянул руку Большой Человек.

Собственно, это был не просто Большой Человек, но еще и государственный муж – Николай разглядел на пиджаке трехцветный депутатский значок, официальность которого несколько смягчалась курительной трубкой, торчавшей из нагрудного кармана.

Рост, стать, спокойный взгляд, модуляции голоса – всё свидетельствовало о *крупнокалорийности* Аркадия Сергеевича. Такой, наверное, и в детском саду выглядел маленьким начальником.

Сопровождали спонсора двое: паренек в бейсбольной кепке задом наперед и невысокий крепыш в черном костюме. Профессию крепыша выдал цепкий, обшаривающий взгляд, которым тот окинул Фандорина и его спутниц. Понятно – телохранитель. Нарочно, что ли, депутат такого коротышку подобрал – дабы смотреться еще величественней?

Но если это охранник, почему он стоит за спиной у мальчика? Странно.

И мальчик тоже какой-то странноватый, на головастика похож. Да нет, присмотрелся Николай – просто у него волосы убраны под шапку, оттого голова и кажется несоразмерно большой.

Марк Донатович почтительно поздоровался с депутатом, на охранника не взглянул, а подростка просто похлопал по груди – на ней красовался логотип клуба ЦСКА. Ника заметил, как по нервному лицу мальчика пробежала брезгливая гримаска.

Знак ЦСКА

О чем они между собой разговаривали, Фандорин старался не слушать – неудобно. Но кое-какие обрывки всё же долетали.

– ...И головные боли как рукой снимет, – говорил Зиц, продолжая поглаживать паренька. Тот сделал полшажка в сторону – отодвинулся.

– На ангела похож, – тихонько прошептала Николасу на ухо Саша.

– Разве ангелы болеют за ЦСКА? – пошутил Фандорин, уже знакомый с этим выражением ее лица. Когда она говорила о Господе или ангелах, брови у нее приподнимались, а в глазах появлялся мечтательный блеск.

Держался паренек совсем не по-ангельски. Доктор его о чем-то спрашивал, а он глядел в сторону, шмыгал носом, отвечал что-то сквозь зубы, нехотя.

Тем временем Аркадий Сергеевич перевел свой царственный взор на Николаса и его спутниц – удостоил заметить, по-другому этот неспешный поворот головы не назовешь.

– А, Саша, ну как дела у папы? – сказал он и – о чудо – сам двинулся в эту сторону.

– Здравствуйте, Аркадий Сергеевич. Неважно, – печально ответила девочка.

Выходит, они знакомы?

Охранник за депутатом не пошел, лишь посмотрел на Николаса еще раз – очень внимательно. Прищуренные глаза светились неистовым огнем, от которого Фандорин поежился. Такой взгляд бывает у сторожевого пса, который никогда не лает, но от которого лучше держаться подальше – накинется без предупреждения и вцепится намертво.

– Ничего, всё образуется. Главное, папа жив. А Марк Донатович его вылечит, он ведь у нас волшебник.

Обращался спонсор к девушке, но смотрел при этом на Николаса, как бы спрашивая: а ты что за фрукт, почему здесь?

Ника представился, отрекомендовался «Сашиним знакомым» – и сам на себя разозлился, что поддался властной ауре Большого Человека.

Хорошо, Валя поддержала реноме – талантливо сыграла человека свиты. Подняла руку – мол, не такая я персона, чтобы называть свое имя – и, изобразив почтительный полупоклон в сторону шефа, сказала:

– Я референт Николая Александровича.

Спонсор кивнул. Очевидно, в его кругу всякого мало-мальски приличного человека обязательно кто-нибудь сопровождал – не телохранитель, так референт или ассистент.

– Аркадий Сергеевич Сивуха, – пожал он руку Николасу. – Фамилия такая.

Донесся резкий мальчишеский голос:

– Послушайте, не трогайте меня, а?

Это мальчик в очередной раз увернулся от покровительственной длани главврача – теперь уже с нескрываемым раздражением.

– Это не то, что вы подумали, – сказал Сивуха, заметив взгляд Николаса. – Да, Олег проходит здесь курс лечения, но с психикой у него всё в порядке. Мой сын не шизофреник и не умственно отсталый. У него проблема противоположного свойства. Мальчик – гений, а это очень тяжелая нагрузка для личности.

– А-а, ваш сын – пациент доктора Зица? – протянул Фандорин. – Так вот почему вы спонсируете эту клинику.

Получилось не очень вежливо, Николас даже смутился. Но Сивуха, кажется, не обиделся.

– Да, в свое время я создал этот медицинский центр ради сына. В основе благотворительности всегда лежит личная мотивация, без этого не бывает. Вот и мне, как говорится, *nihil humanum*².

Судя по этим словам, человек он был неглупый и, похоже, с образованием – для депутата редкость.

– Папа, я устал! Можно я пойду к себе?

Оставив доктора, к ним приближался «мальчик-гений». На вид ему было лет пятнадцать, тонкий голос еще не начал ломаться.

Охранник двигался, отстав на два шага, из чего следовало, что приставлен он не к депутату, а к отпрыску.

– Вы кто? – с подростковой непосредственностью спросил отпрыск, рассматривая Николаса.

– Меня зовут Николай Александрович. А вас?

Фандорин нарочно обратился на «вы» – в переходном возрасте мальчикам очень хочется, чтобы их воспринимали как взрослых.

– Олег. Сколько вам лет?

Все-таки он совсем еще ребенок, подумал Николас и, чуть улыбнувшись, ответил.

Олег смотрел на него и молчал, в холодных голубых глазах не было ничего детского. Улыбка сама собой сползла с Никиного лица.

– Вы ошибаетесь, – задумчиво проговорил Олег. – Вам никак не больше тринадцати. Я бы дал одиннадцать-двенадцать. В общем, поздний предпубертат.

Фандорин удивился – не столько странному заявлению, сколько тому, что мальчик знает такое мудреное слово.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил подошедший доктор Зиц.

Олег не повернул головы – он обращался исключительно к Николасу:

– Я умею видеть настоящий возраст мужчины. У женщин по-другому. Они с годами меняются. Внутренне. Сначала девочка, потом девушка, потом женщина, потом старуха. Если перевести на язык семейного позиционирования, дочь – жена – мать – бабушка. Это связано с деторождением и меноциклом.

² Ничто человеческое [не чуждо]. (лат.)

Ника слушал с все возрастающим изумлением, а странный мальчик по-прежнему вел себя так, словно кроме них двоих здесь никого не было.

– Но мужчина запрограммирован на один возраст. И внутренне почти не изменяется. Вот папе по паспорту пятьдесят, а на самом деле двадцать пять. Он всё рвется в вожаки стаи, всё норовит побольше самок затоптать и пошире территорию пометить. Таким был, таким и останется.

Поразительно, но папу-депутата эта дефиниция нисколько не шокировала. Наоборот, он поглядел на окружающих с горделивой улыбкой – мол, видите, какой он у меня гениальный?

– Или взять вас. Вы говорите, вам сорок пять, а я вижу: предпубертат, канун полового созревания. Всё в мушкетеры тянет играть. И до самой смерти не наиграетесь. Такая уж в вас заложена программа.

А ведь маленький паршивец прав, подумалось вдруг Нике. Я в самом деле часто чувствую себя двенадцатилетним среди людей взрослых и зрелых.

– Ну, а мне сколько лет? – поинтересовался Марк Донатович.

Олег, не повернувшись, обронил:

– Семь. Вы еще не вышли из возраста младенческой жестокости. И никогда не выйдете. Правда, любопытно смотреть, как поведет себя стрекозка, если ей оторвать крылышки?

Доктор засмеялся.

– Олег, вы сами-то какого возраста? – спросил Ника.

– При моем диагнозе? – Паренек делано рассмеялся. – Весьма преклонного.

Нике внезапно сделалось ужасно жалко ершистого акселерата. Что же у него за диагноз такой? От чего его здесь лечат? Не от гениальности же, в самом деле? Хотя, безусловно, мальчик очень умен, начитан и не по годам развит.

– Пойдем, папа. Я придумал одну штуку, хочу тебе показать.

Больше Олег на Фандорина не смотрел, будто уже вычислил эту неизвестную величину и утратил к ней всякий интерес.

Только, когда троица уже уходила по коридору, удивительный мальчик на секунду обернулся и посмотрел на Николаса как-то по-особенному. Будто с безмолвным предостережением.

– Он что, в самом деле гений? – спросил Фандорин, когда папа, сын и охранник скрылись за поворотом. – Господин Сивуха так сказал.

Марк Донатович покривился.

– М-да. Случай очень непростой. Больше десяти лет работаю с Олегом. Он здесь, можно сказать, полжизни проводит. Лечение сложное, многоэтапное... Насчет гения Аркадий Сергеевич, как свойственно родителям, преувеличивает, но молодой человек, действительно, обладает незаурядными способностями. Мог бы стать талантливым изобретателем – если бы не тратил время на всякую ерунду. Ведь что такое талант? – оживился Зиц, очевидно, садясь на любимого конька. – Та же физиологическая дисфункция мозга, связанная опять-таки с нарушением гормонального баланса. Вот у Морозова произошла недопоставка серотонина. А у Олега – врожденная проблема со стероидами. Как бы вам проще объяснить? Недоразвитие одного участка мозга компенсируется гипертрофированным развитием другого участка. На это и нацелена стратегия моего лечения: восстановить равновесие.

– Загасить талант, что ли? – спросила Валя. – Типа: станет потупее, и гормоны устаканятся?

Зиц засмеялся.

– Не совсем так, Валечка. Если вас интересуют вопросы гормональной деятельности, я с удовольствием устрою для вас небольшой экскурс. Может быть, заглянете ко мне, чуть позже? Я покажу вам свои разработки. Это очень интересно, поверьте.

– Могу себе представить, – до предела распахнула ресницы Валя.

Эскалации флирта помешала Саша Морозова.

– Марк Донатович, пойдете уже к папе, а? – напряженным голосом произнесла она. Во взгляде девушки, устремленном на дверь палаты, читались тоска и ужас.

* * *

Такое Фандорин прежде видел только в кино.

Посередине большой белой комнаты стояла белая кровать. На ней, пристегнутый белыми ремнями, в белом кожаном наморднике лежал доктор филологических наук Морозов. Даже его перебинтованная голова была прикреплена к изголовью особым ремнем. Мужчина скосил на вошедших глаза – их белки сверкнули диким, синеватым блеском.

Рядом на стуле сидел здоровенный детина в халате. На поясе у него висела не то резиновая дубинка, не то электрошокер – потрясенный зрелищем, Николас толком не разглядел.

Ступив через порог, Саша немедленно, в ту же секунду, начала всхлипывать. И ее можно было понять...

– Здравствуйте, Филипп Борисович! – с фальшивой жизнерадостностью провозгласил Зиц и тихо добавил. – Иначе было нельзя. Вчера, выйдя из комы, он набросился на медсестру Изабеллу Анатольевну. С целью изнасилования.

Валя хихикнула:

– Ну и как, успешно?

– Ничего смешного. – Марк Донатович посуровел. – Он держал Изабеллу Анатольевну зубами за горло, она даже позвать на помощь не могла. Хорошо, вошел медбрат, Коля Степаненко. То есть чего хорошего... Когда Коля попытался оторвать больного от медсестры, Морозов сломал ему обе руки и откусил полнота. Понадобилось двое врачей-мужчин и четверо охранников, чтобы совладать с пациентом. Сила чудовищная... А результат такой. У рентгенолога сломана челюсть, у двоих охранников серьезные укусы. Изабелла Анатольевна в шоковом состоянии, она ведь даже замужем никогда не была. Плюс на горле ссадины от зубов. С Колей Степаненко вообще беда. Морозов ведь нос не просто откусил, но еще и проглотил. Так что обратно не пришьешь...

Присвистнув, Валя поглядела на скованного филолога с уважением.

– Вот это да! Прямо Тарзан, Шварценеггер какой-то. А по виду – сморчок сморчком.

– Синдром Кусоямы, чего вы хотите, – пожал плечами Марк Донатович. – Всё шиворот-навыворот. Я вчера говорил по телефону с супругой пациента, она сейчас в Базеле. Говорит, тишайший человек. Последние шесть лет не проявлял никакого интереса к половой жизни. И вот что мы имеем: гиперагрессивность плюс гиперсексуальность. Виноват тестостероновый взрыв. Гипофиз просто захлебывается от перепоставки гормонов. Мозговой центр агрессивности возбужден до предела...

Доктор филологических наук кое-как вывернул голову. На Зица и Николаса едва взглянул, Валя его тоже не заинтересовала, зато при виде дочери больной весь заизвивался, даже зарычал.

Саша вскрикнула и спряталась за Нику.

– Филипп Борисович, я сниму с вас маску, если вы пообещаете вести себя тихо и не кричать, – громко сказал главврач. – Даете слово?

Забинтованная голова еле заметно кивнула.

– Ну вот и умничка. Миша, сними. Только пальцы осторожно. И лобный ремень оставь. Санитар (или охранник?) отстегнул намордник, повесил на изголовье.

– Иди, Миша, побудь в коридоре. Ты нам пока не нужен. Мы будем вести себя хорошо, правда?

Больной сладко улыбнулся, но, едва за Мишей закрылась дверь, отмочил штуку: высунул длинный, очень красный язык и, не сводя глаз с Саши, сделал им несколько змееобразных движений, а потом облизнулся. Зрелище было отвратительное.

Девушка так и зашлась от судорожных рыданий, а Зиц укоризненно сказал:

– Филипп Борисович, вы же обещали!

– А разве я кричу? Я тише воды, ниже травы. Сашенька, доченька, подойди, поцелуй папочку. Желательно взасос.

Голос у больного был едкий, глумливый, но речь вполне связная, отчетливая. Новый взрыв Сашиного плача сопровождался гаденьким дребезжащим смехом папаши.

– Да, с дочерью я вчера здорово ошибся, – рассказал главврач Николасу и Вале. – Сначала я решил, что вспышка агрессии – единоразовый припадок, временное помрачение сознания. И вызвал девочку. Его жена сказала, он в дочери души не чает. Думал, пациент увидит родного человека, начнет приходить в себя. Виноват я, очень виноват. Понимаете, больные синдромом Кусоямы невероятно хитры и изобретательны. Морозов прикинулся, что ничего не помнит про Изабеллу Анатольевну. Плакал, просил его отстегнуть. Ну, я и поддался... Вначале вроде бы шло нормально. Они с дочкой обнялись, оба плачут. Но стоило оставить их двоих... Крик, рык, грохот! Едва мы у него девочку вырвали. Ему сейчас все равно – дочь, не дочь. Вся этическая система полетела вверх тормашками...

– Папа на самом деле не такой! – дрожащим голосом выкрикнула Саша. – Он просто болен!

– Конечно. И я обязательно его вылечу. – Зиц подошел к кровати, наклонился. – Филипп Борисович, ведь вы умный, интеллигентный человек. Взгляните на свое состояние с научной точки зрения. В результате травмы у нас с вами проблемка по части физиологии мозга. Произшел перекос гормоноснабжения, вы повышенно возбудимы, но зачем же так травмировать Сашу? Ведь она ваша дочь!

Морозов осклабился.

– А кого тут еще травмировать? Этого мерина переодетого, что ли?

Он дернул головой в сторону Вали – та аж руками всплеснула от такого ужасного оскорбления.

Ника же поневоле был впечатлен. Впервые на его памяти кто-то с ходу определил Валино гендерное происхождение.

– Не обращайтесь внимания, он психически болен, – шепнул Валентине врач. – Филипп Борисович, я ввожу вам внутривенно препарат моей собственной разработки. Он поможет вашему мозгу справиться с последствиями травмы. Всё вернется на свои места. Но на это понадобится время. Сколько – не знаю. Торопиться опасно – слишком большая нагрузка на сердце, а элетрокардиограмма у вас не очень.

– Тю-тю-тю, – сказал на это достоевсковед. – Пойди лучше, *** *****.

Загнул такое, что Ника не решился даже посмотреть в Сашину сторону.

У Зица в кармане запищал телефон.

– Ой, ради Бога, простите! – заизвинялся доктор перед невидимым собеседником. – Совсем из головы вон! Сейчас, сейчас бегу! Одна минута.

Рассоединился, скороговоркой объяснил:

– Меня уже десять минут ждут, совсем забыл. Попробуйте восстановить эмоциональный контакт. Попытка – не пытка. Только ни в коем случае не отстегивать и близко не подходить. Как бы ни прикидывался, как бы ни упраскивал. Если что – Миша за дверью.

И был таков.

– Ничего, – мрачно заявила Валя. – Если что, я его и без Миши вырублю.

Она хотела показать больному кулак, но Ника удержал запястье уязвленной помощницы. Надо было и в самом деле попытаться установить контакт с этим монстром. Иначе как найти вторую половину рукописи?

О том же, кажется, подумала и Саша. Она посмотрела на Фандорина, едва заметно кивнула: мол, попробуйте, на вас вся надежда.

* * *

– Хм. Филипп Борисович, моя фамилия Фандорин... Ваша дочь рассказала мне о ситуации в вашей семье. Пора переводить в швейцарскую клинику очередной взнос, двадцать тысяч евро. Там же ваш сын, Илья...

На глазах у Морозова выступили крупные слезы, а одна даже скатилась по щеке.

– Илюша... Илюшечка, сыночек, – растроганно пробормотал больной.

Воодушевленный такой реакцией, Ника заговорил уверенней:

– Для спасения Илюши эти деньги необходимы. Срочно!

Филипп Борисович горестно вздохнул:

– Но у меня нет денег. Сами видите, добрая вы душа, в каком жалком я состоянии.

– А рукопись Достоевского? Вы где-то спрятали ее вторую половину. Постарайтесь вспомнить. Это очень, очень важно!

Человек на кровати наморщил лоб, словно пытаясь напрячь мысли.

Напряженное молчание.

Ника, Саша и Валентина боялись пошевелиться.

Повздыхав, поцокав, Морозов проговорил:

– Как же, как же. Незнакомое творение величайшего Федора Михайловича. Желтые странички. Сухие такие, ломкие. Дрянь бумажки. Станешь подтираться – всю задницу обдерешь... Ой, ой, глазами-то захлопали! Умора!

Он затрясся в приступе злобного хохота, и стало окончательно ясно: мерзавец издевается. Где рукопись, отлично помнит, но говорить не намерен. Наплевать ему теперь и на больного сына, и на бывшего кумира Достоевского. Да и на деньги тоже. «Сжег всё, чему поклонялся», вспомнил Ника строки (кажется, тургеневские), процитированные доктором.

– Шеф, – сказала Валя, оглянувшись на дверь, – а давайте я этому гаду по ушам надаю. Отлично освежает память.

Саша всхлипнула:

– Не надо! Пожалуйста!

– Преданная дочь молит за отца. Я растроган, – продолжала веселиться жертва синдрома. – Хочешь, Сашок, отдам тебе эти бумажки? Мне-то они даром не нужны.

– Отдай, папа. Скажи, куда ты их спрятал.

Девушка смотрела на отца с такой мольбой, что, казалось, и камень бы дрогнул.

– Скажу, скажу. Но не за здорово живешь. Развлеки больного папочку. Расскажи что-нибудь пикантное, с порнушечкой. Ты ведь у меня девочка-дюймовочка, целочка-переспелочка. А гормончики-то тоже попискивают, гипофиз или что там подкачивают (ты про это у доктора спроси). Тельце соком наливается. Неужто никогда о **** не думаешь, девственница ты моя Орлеанская? Ду-умаешь, еще как думаешь. А если думаешь, то неужели в постельке там или в ванной ручонками не пошаливаешь? Опиши, с физиологическими подробностями. Тогда и я тебе про рукопись расскажу. Ну, давай.

Он сглотнул слюну и отвратительно оскалился. Дочь стояла, опустив голову.

– Молчишь? Не хочешь сделать больному старику приятное? Тогда катись в *****. Вместе со своим Илюшечкой.

Саша в ужасе попятилась.

– Алё, папаша, – вышла вперед Валя. – Хочешь порнушки? Тогда не по адресу обращаешься. Давай я тебе расскажу, из личного опыта. А-ля карт, на любую тему.

Филолог-расстрига брезгливо фыркнул.

– У вас, нелепое создание, не получится. Тут ведь главное не фабула, а исполнение. В нем, выражаясь по-еврейски, самый цимес. – Старикашка облизнулся. – Чтоб со стыдливым румянцем, с дрожью в голосе. Голенькая перед всеми. И чтоб потом со сраму под землю провалилась. Вот что возбuditельно. А вы с вашей дешевкой.

На Сашу было невозможно смотреть – она допятилась до самой стены, вжалась в нее и вся окоченела.

– Послушайте, вы, больной... – яростно начал Николас, но сдержался. Ведь в самом деле больной человек, что с него возьмешь? – Перестаньте издеваться над девочкой. Иначе я вызову охранника, и на вас снова наденут намордник.

– Да как же я в наморднике про рукопись-то расскажу? – удивился Морозов и вдруг с интересом принялся разглядывать Фандорина. – А, может, вы? У вас хорошо получится, по глазам вижу. Давайте, расскажите что-нибудь самое стыдное, самое неприличное из вашей жизни. Да смотрите, не обманите. Не подсуньте какую-нибудь фальшивку. Мне правда нужна, брехню я сразу распознаю. И в ответ тоже навру. Ну, валяйте. Про самое непристойное. Только обязательно с сексиком, а не про то, как вам на улице приспичило и вы в чужом подъезде нагадили. Это не засчитаю.

– Идемте отсюда, – махнул Николас девушкам. – Ничего он нам не скажет.

– Нет, погодите! – Саша бросилась к нему, схватила за руку. – А как же Илюша? Я бы ему рассказала, я бы всё сделала! Но чего он хочет, я не могу... Не потому что не хочу, а потому что нечего. Я бы напридумывала, но... Я не умею. И догадается он.

А Морозов со своего ложа подхватил:

– Выручите девочку. Вы же джентльмен... Ой, глядите, покраснел! Сейчас отважится! Ну же, благородное сердце! Ланселот Озерный! Вперед за честь дамы!

Да ни за что на свете, сказал себе Ника, катитесь вы все... Но знал уже, что никуда он из этой проклятой палаты не уйдет. Не сможет.

– Ладно, будет вам про неприличное, – глухо проговорил он, глядя на гнусного старикашку с ненавистью. – Но если вы после этого нас обманете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вот мини-гlossарий наркоманского жаргона, призванный облегчить читателю восприятие лексического ряда этой главы (термины приведены в порядке появления):

2.

В описываемое время Санкт-Петербург был разделен в административно-полицейском отношении на десять районов – так называемых «частей». Охраной правопорядка в каждом районе ведал частный пристав, обычно в звании полковника. Всю деятельность по расследованию уголовных преступлений в части вел пристав следственных дел.

3.

Формулярный список – личное дело чиновника, куда заносились все сведения персонального и служебного порядка.

4.

Воспитательные дома, первоначально именовавшиеся «сиропитательными», были учреждены Екатериной Великой для воспитания сирот и, главным образом, подкидышей. Инициатором этой благотворительной затеи стал И.И.Бецкой, незаконнорожденный сын одного из князей Трубецких. В секретно-родильном отделении Воспитательного дома женщинам, во избежание огласки и позора, дозволялось рожать в маске, после чего младенец оставался на попечении учреждения.

5.

Однодворцы – особое сословие свободных крестьян, потомки прежних служилых людей. Хотя, в отличие от дворянства, платили государству подати, но обладали определенными привилегиями. Например, им дозволялось владеть крепостными.

6.

Сперанский, Михаил Михайлович (1772–1839). Знаменитый государственный деятель, которого современники сравнивали с птицей феникс, обладающей способностью возрождаться из праха. Безродный и нищий, он уже к 30-летнему возрасту вознесся к вершинам государственной власти благодаря редкостным способностям, поразительной работоспособности и фантастическому везению, а в 35 лет фактически сделался соправителем Александра Первого, прислушивавшегося к каждому его слову. Но в 40 лет, став жертвой придворных интриг и собственной самонадеянности, Сперанский всего лишился и угодил в ссылку. После семилетней опалы вновь начал постепенное карьерное восхождение, пройдя путь от губернатора захолустной провинции до высших должностей.

7.

Училище Правоведения учреждено в 1835 году по проекту принца П. Ольденбургского, мечтавшего цивилизовать российское судопроизводство, которое безнадежно погрязло в коррупции и невежестве. Предполагалось, что вновь создаваемый храм юриспруденции будет воспитывать просвещенных и высоконравственных служителей Фемиды, которые, войдя в возраст и силу, озаботятся превращением полуазиатской империи в правовое государство. До известной степени так оно и произошло: именно выпускники Училища Правоведения готовили судебную реформу и прочие преобразования 60-х и 70-х годов.

8.

Бирон, Эрнст-Иоган (1690–1772). Одна из самых непопулярных фигур российской истории, биографические сведения о котором в энциклопедиях обычно помещались в статье «Бироновщина».

9.

Словоерс – название почтительной частицы, прибавлявшейся к окончанию слов в учтивой речи XVIII–XIX веков. Образовано по старославянскому чтению букв «с» и «ъ»: «слово» + «ер». Согласно одной из версий, этимологически представляет собой сокращенную форму от уважительного «-ста» (как в «пожалуйста»).

10.

Упоминание об ажиотаже на бирже позволяет со значительной степенью вероятности датировать события повести второй неделей июля 1865 года. Как раз в это время был опубликован официальный отчет международной инспекции о ходе великой Суэцкой стройки. Из отчета следовало, что морской путь из Средиземного моря в Индийский океан будет открыт в самом непродолжительном времени. Это известие вызвало оживление на всех европейских биржах.

11.

Это она Аркадию Сергеевичу позвонила, кому ж еще.

12.

Точной информации о том, как были устроены присоски на перчатках и тапочках, позволявшие гению запросто подниматься по вертикальной поверхности, у нас нет. Судя по следам, обнаруженным Николасом на стене дома (см. с. 134), Олег разработал какой-то особый клеящий состав однонаправленного схватывания – при надавливании происходило моментальное сцепление, которое столь же легко разрушалось, если усилие было направлено на разрыв.

13.

Добыть сведения о том, что у Элеоноры Ивановны когда-то была сестра-двойняшка Светлана Ивановна Моргунова (1936–1958) большого труда не составляло. И с карамазовским чертом гений придумал ловко. Одного только не учел – откуда ж ему было про это знать...

14.

За несколько минут до этого дорожно-транспортного происшествия в большой черной машине, припаркованной в переулке по ту сторону арки, происходил такой диалог.

15.

Накануне вечером, поздно, Саша Морозова сидела дома на кухне и плакала. Снаружи давно стемнело, но света она не зажигала, лишь светилась лампадка у иконы, примостившейся в углу, между посудным шкафчиком и оконной шторой.